

С. 2
**Патриарх Кирилл:
имен убийц и террористов не
должно быть в топонимике
города**
По словам патриарха, нельзя прикасаться к памяти людей, служивших своему Отечеству в ту или иную эпоху, но это не относится к тем, кто запятнал себя невинной кровью

С. 5
**Родовые черты
обновленчества**
Почему обычно так мало «считываются» из статей про обновленчество те факты, которые следуют из документов и других свидетельств? Может быть, потому, что они воспринимаются как оценки авторов, полемические фигуры речи? Или просто все кажется заведомо ясным?

С. 8
**1917-й: как бы встретили
его славянофилы и
западники**
Мы продолжаем размышлять над темами года, и раз уж на конференции «Дружеский круг» встретились специалист по славянофилам и специалист по западникам, мы не удержались от того, чтобы задать им этот вопрос

Приложение «Язык Церкви»
Как всегда, в номере самые разные новости: о русско-кабардинском молитвослове, о первом полном переводе Библии на татарский язык, об интерактивной карте храмов, где служат с сурдопереводом. А еще фрагменты дискуссии о переводе богослужения на русский язык (как оказалось, в сети она местами еще теплится, и в довольно мирном тоне)

Тема номера Дружеский круг

Начиная разговор
о даре дружбы

9–11 марта в Культурно-просветительском центре «Преображение» под Москвой прошла международная конференция «Дружеский круг как начало соборности и солидарности в России». В ней приняли участие около 200 человек

На пленарном заседании

Конференция «Дружеский круг как начало соборности и солидарности в России» готовилась полтора года. Опорным толчком для ее соби- рания послужило одно наблюдение, о котором мы писали в прошлом номере: в России многие замечатель- ные вещи начинались именно с дружеских кругов, а не с институций. Славянофилы и западники, Абрамцево и Домотканово... Музеи, институты, философские обще- ства и братства часто возникали благодаря усилиям собравшихся вместе друзей.

Много мы об этом думали, говорили, публиковали разные материалы в «Кифе», но вопросов становилось только больше. Это чисто российское явление или все- таки общемировое? Можно ли как-то систематизировать эти дружеские круги? И вообще: на каком определении дружеского круга мы останавливаемся: круг друзей, круг с атмосферой дружелюбия и дружественности, круг еди- номышленников, настроенных на то, чтобы что-то делать не только для себя, или что-то еще? Поэтому на конфе- ренцию, которая в начале марта проходила в Культур- но-просветительском центре «Преображение», я ехала с желанием в конце концов расставить все точки над «i».

Священник Георгий Белькинд (Тульская епархия) и А.П. Козырев, зам. декана философского факультета МГУ

Окончание на с. 6–7

«Вечные темы» в нашей жизни

Интервью с председателем Преображенского братства Дмитрием Гасаком

**В чем Вы видите главные уда-
чи прошедшей конференции,
а что, может быть, не удалось?
Насколько она соответствовала
ожиданиям организаторов?**

Я считаю, что мы, собравшиеся здесь в рабочие дни сразу после праздников, продлили себе праздники (улыбается) и удостоились в течение трех дней роскоши общения со многими выдающи- мися, интересными и самыми разными людьми. Что касается выводов, то их делать еще рано. И дело не в том, что конференция еще не закончилась. Паоло Петракка, наш друг из Италии, сегодня замечательно говорил о том, как важно свои усилия направлять именно на на- чало процессов. Не нужно стремиться все занять и заполнить собой; нужно

быть инициаторами событий, которые запускают те или иные важные процес- сы. Мне очень хотелось бы надеяться, что мы занимаемся именно этим. Одна из самых любимых русских поговорок – «Не имей сто рублей, а имей сто друзей». И в этом отношении наша конференция, мне кажется, является как раз плодом не просто теоретического размышления на эту тему, а того самого усилия, которое, действительно, собирает людей друже- ского расположения. Так что я бы счи- тал, что успех конференции во многом объясняется именно тем, что выводы рано делать. Их можно будет сделать когда-нибудь потом, через год, пять, десять лет... сто, может быть. И если так случится, то можно будет считать, что наша конференция удалась.

**Мы выбрали такую тему, кото-
рую практически невозможно
привести к какому-то практи-
ческому результату и обще-
му знаменателю. Начали с того,
что все уникально, и заканчи-
ваем тем, что все уникально.**

Это так. Но дело в том, что наша тема абсолютно бесполезна. И слава Тебе, Господи! Вообще надо поменьше искать в жизни пользы, а размышлять о таких вещах, для которых, собственно, и сотворен человек на земле. О «вечных темах» в нашей жизни. Общение с дру- жеским кругом, тем более если этот дру- жеский круг еще что-то делает не для своей пользы, а для блага других людей, мне кажется, это вообще богатство.

Окончание на с. 7

О критике «школьного богословия»

Интервью преподавателя догматического богословия в СПбДА, клирика Новгородской епархии протоиерея Сергея Золотарева

**Отец Сергей, какую пробле-
му в преподавании богосло-
вия Вы считаете на сегодняш-
ний день наиболее острой?**

Скажу о так называемом «школьном богословии». Полагаю, что критиковать школьное богословие имеет право в первую очередь тот, кто знает его «из-нутри», кто сам прошел эту школу, а не тот, кто просто прочитал обзорную книгу Глубоковского, услышал слова Хомякова про насквозь схоластического Макария, – и уже делает из этого далеко идущие выводы. Глубинная проблема школьного преподавания богословия, мне кажется, в том, что в целом образо- ванию не хватает последовательности. Вспомните классическое образова- ние – в той мере, в какой оно у нас было, например, образование в Славяно-греко- латинской академии или новгородской школе Лихудов. Оно предполагало зна- менитые septem artes liberales¹, или, как минимум, тривиум². Сначала был класс риторики, философии, и только потом – собственно богословия. Дореволюцион- ная семинария предполагала обучение догматике на пятом и шестом курсах³. То есть сначала изучались языки, история, логика, философия, и только на послед- них курсах переходили к догматике.

Так, откроем дореволюционный учебник и обнаружим, например, что важнейший вопрос троичной терми- нологии излагается всего на полутора страницах, и то уже в разделе, посвя- щенном спорам о единосущии. Судя по контексту, студент уже знаком с соответ- ствующей проблематикой, очевидно, из других дисциплин, в частности филосо- фии и истории.

Обратимся к классическому свя- тоотеческому труду прп. Иоанна Дамаскина «Источник знания». У нас мно- гие обычно знают только третью часть этого сочинения: «Точное изложе- ние православной веры». А ведь Да- маскин, прежде чем перейти собственно к богословию, дает без малого семьдесят простран- ных глав философского введения, где обра- щается к базовым вещам, с которых нужно начинать, как с кирпичиков, из которых потом выстраивается его система христианско- го знания. Почему я обращаю внимание именно на прп. Иоанна Дамаскина? Потому что сегодня мы, как правило, разделяем богословие и богослужение. А Дамаскин является и автором много- численных литургических текстов, в частности, любимого всеми пасхального канона, и автором первой крупной дог- матической системы.

Отец Сергей Золотарев на презентации книги дьякона Василия Фельми «Введение в современное православное богословие»

¹ Семь свободных искусств (лат.) – цикл дисциплин, которые составляли основу античной (греко-римской) и средневековой систем образования.
² Система классического образования, как ее понимали в Средние века, восходит корнями к греко-римской школе и предполагает преподавание тривиума (грамматика, логика, риторика) на начальной ступени и квадриуума (астрономия, арифметика, музыка, геометрия) на следующей ступени.

Окончание на с. 4

Во время конференции у участников была возможность прогуляться, поговорить друг с другом

Церковь и общество

Патриарх Кирилл: имен убийц и террористов не должно быть в топонимике города

Москва, 29 марта. Выступая перед депутатами Московской городской думы, Святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл призвал не обосновывать утилитаризмом сохранение названий городских объектов, увековечивающих память убийц и террористов.

«Я против сноса памятников, за взвешенный подход в деле переименования улиц и других объектов. Нельзя прикасаться к памяти людей, служивших своему Отечеству в ту или иную эпоху», – заявил председатель Русской православной церкви.

«Но это не относится к тем, кто запятнал себя невинной кровью», – добавил он, подчеркнув, что невозможно объяснить молодым людям причины увековечения памяти безнравственных людей.

По словам Патриарха Кирилла, разумные изменения в топонимике города формируют нравственное сознание общества.

По информации Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ

В Симферополе собираются демонтировать мемориальную доску Бельи Куна (фото внизу). Но имена убийц можно увидеть на стенах домов еще многих городов нашей страны...

Новости православных братств

После просмотра любой желающий мог подойти к свободному микрофону, чтобы что-то сказать или о чем-то спросить

Как и на московской премьере, «Кифа» обратилась к гостям с вопросом: «Братства появлялись в разных странах, в разное время. Каковы, на Ваш взгляд, перспективы этого братского образа жизни для церкви? Что могут братства дать, какой плод могут принести?»

Священник Александр Гинкель: Самое важное – чтобы члены братства осознавали себя неразрывно соединенными со всей Церковью, и будучи ее членами, ставили главной задачей воцерковление других людей. В этом, я думаю, самый главный плод. Быть тем светом миру, солью земли, о которой нам говорил Господь. В этом – основная задача. Потому что какие-то братства ставили своей задачей социальное служение, какие-то – миссионерское. Но если мы говорим о Преображенском братстве, то здесь довлеет катехизация. Дай Бог в этом трудиться, но и остального тоже не забывать!

Коллекционер Вадим Кустов: Если мы почитаем Послания апостола Павла, он обращается к разным общинам. Первые общины были разные. Мы знаем, почему не одно Евангелие, а несколько (для кого-то это камень преткновения). Потому что они были обращены к разным людям. Эти люди пришли ко Христу, пошли за Христом с разным духовным и культурным багажом.

В Санкт-Петербурге прошла премьера фильма «Братство»

Я думаю, в этом и заложен ответ на вопрос о перспективах. В истории Церкви, мы знаем, братства были всегда. В разное историческое время, в разных культурах они несли разную миссию и имели разные формы. И понятно, что никогда их не было много. Это определенная сторона жизни Церкви. Кто-то ее может принимать, кто-то нет. Сегодня критическое отношение к братствам – это, действительно, советское наследие. Но постыжью за две тысячи лет это явление существовало, то, думаю, перспективы в том, что оно и дальше будет существовать в разных исторических реалиях духовной жизни и для своего времени нести свою миссию.

Кинодокументалист Максим Якубсон: Братство есть тайна, в основе которой лежит встреча. Путь любого братства, любого сообщества – это тоже тайна, и он никогда не бывает простым. Он несет в себе память об этой первой встрече, встрече со Христом: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них», – сказал Господь. Происходит эта встреча, где есть двое или трое и Христос. И дальше по Божьему промыслу, по Божьей воле происходит умножение – как чудесное умножение хлебов и рыб, которыми Спаситель накормил жаждущих. И, конечно, самое сложное при этом – это сохранение личной свободы. Как при таком со-бытии в жизни совместной сохранить каждому свой личный путь, свой личный диалог с Богом, как, двигаясь вместе, плечом к плечу, делая общие дела, сохраняя целостность, сохраняя связи, умножаясь, при этом не потерявшись, не раствориться, а вырасти и спастись? Потому что, конечно, смысл жизни церкви не в умножении количества ее членов. Целью жизни человека является спасение (вспомните слова преподобного Серафима: «Стяжи дух мирен, и тысячи спасутся вокруг тебя»).

Если же говорить о перспективах, то путь церкви есть путь общин, путь

В честь святых миссионеров назовут два острова Курильской гряды

Присвоение имени святителя Иннокентия (Вениаминова) острову Курильской гряды (еще один остров будет назван в честь его ученика – свт. Николая Японского), запуск единого информационного портала, установка памятника – эти и многие другие события включены в календарь празднования 220-летия со дня рождения и 40-летия канонизации апостола Сибири и Аляски. Также будет создан туристический маршрут, который объединит тринадцать субъектов России. Об этом на заседании оргкомитета в Иркутске сообщил первый заместитель министра культуры Российской Федерации Владимир Аристархов, информирует иркутская «Областная газета».

Юбилейные мероприятия пройдут 8 сентября 2017 года – в день рождения

святителя по новому стилю – на его родине в селе Анга Качугского района Иркутской области.

Центральным событием юбилейных торжеств станет освящение Свято-Иннокентьевского храма в селе Анга. Планируется также переиздание трудов святителя.

Активное участие в юбилейных мероприятиях примет Русское географическое общество. Иркутское областное отделение РГО уже вышло с предложением провести в июне-августе 2017 года комплексную экспедицию по территории Иркутской, Амурской и Магаданской областей, Забайкальского и Хабаровского краев, Республики Саха (Якутия).

По материалам сайта «Приходы»

братств. Конечно, Господь устраивает так, что есть самые близкие, есть домашние, есть семья, дети, есть те, с кем мы очень тесно связаны с юности. Для каждого человека эти связи очень личные, как и связи со своими крестными родителями и своими крестниками. Но сверх этого мы все братья и сестры друг другу в церкви. Так что братский путь – это неизбежный путь, иного пути у церкви нет, кроме пути взаимной любви.

Историк Юрий Рубан: Я помню, Вы меня спрашивали о том, почему так много возникло братств сразу после Октябрьского переворота, когда, с одной стороны, начались гонения, а, с другой стороны, люди вышли из-под имперской опеки. Я не занимался специально этим вопросом, мои профессиональные исторические интересы лежат в другой области, но и над этим немного размышлял. Мне представляется, что тогда взлет братского движения был связан с тем, что люди почувствовали возможность жить не в казенной государственной Церкви, а в свободной Церкви Христовой. Религия не может быть государственной идеологией. Какую «идеологию» принес Христос? А от Него даже апостолы ждали воссоздания независимого Израильского царства! Кому нужно Царство «не от мира сего»? У нас сейчас многие идеализируют дореволюционную действительность. На мой же взгляд, именно синодальная казенная церковность во многом подготовила страшную трагедию Церкви и государства. Это была расплата. Рядовые люди в этом, конечно, не повинны, а вот власти – да. И когда стало не нужно раз в год казенно исповедоваться и получать за это отметку о благонадежности, люди вдруг почувствовали: «Мы можем приходить в Церковь просто для общения со Христом, приходить не по закону, а по благодати».

Я немного знал Никиту Александровича Мещерского, который состоял в

Александров-Невском братстве. Это было ученое братство. Мне говорили, что люди там объединялись по интересам, и это вполне понятно, и служили Литургию на разных языках, не только на греческом, но и на коптском, и на других. Были же знаменитые специалисты, которые могли обучить и помочь.

Думаю, что перспективы у братского образа жизни, как Вы выражаетесь, – радужные, потому что люди хотят видеть рядом с собой единомышленников. Мы же не медитирующие индивидуалисты: пришли в храм, помолились, свечку поставили и ушли. Само слово «Экклесия» (Церковь как Община) переводится ведь как «Собрание»! И это «Собрание» не может «самораспускаться» за пределами храма: внебогослужебная жизнь – это тоже ведь церковная жизнь! А она с неизбежностью предполагает, что люди общаются, помогают друг другу, создают все новые «кружки по профессиональным интересам» (простите мне это выражение). Мы помним, что Христос уподоблял Церковь не окаменевшей Торе Моисея, не кунсткамере, а дереву, выросшему из горчичного зерна. И это Его Древо должно вечно расти и развиваться, иначе – катастрофа, как с деревом, не приносящим плодов.

Интересно, что в Католической Церкви, где масса орденов, возникают все новые ордена. Можно сказать: «Зачем? Есть же старые, апробированные ордена». Но жизнь меняется: появляются новые вызовы времени, новые проблемы, и приходят люди, которые объединяются, чтобы внятно ответить на вопросы современности. Их никто заранее, «по плану», к этому не готовит. Это – закономерный процесс роста. Мы не знаем, что нас ждет. Христос, говоря о будущих испытаниях, советовал заранее не готовить ответы, но полагаться на помощь Святого Духа. Та же логика и у развивающейся братской жизни.

Беседовала Анастасия Наконечная

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор: А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции: gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение». Газета издается с октября 2002 г. Культурно-просветительский фонд «Преображение». Все права защищены. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org; в **Москве:** в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в **Санкт-Петербурге:** в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81 в **Париже:** в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne Ste Genevieve
Телефоны распространителей Москва: +7-910-421-64-60 (Анна Гринман), +7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург: +7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)
Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарева)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: 1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г. Отпечатано в типографии «Бюрок», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 29 марта 2016 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00. Дата выхода в свет 31 марта 2016 г.

gazetakifa.ru

Обратная связь

Катехизация в церкви: возможности, проблемы, перспективы

Мы продолжаем публиковать отклики экспертов на статью «Кифы» «В поле положительных потенциалов», опубликованную в № 1 за 2016 год

Насколько существующие возможности в области катехизации используются и какие это возможности? Что нужно делать в первую очередь сейчас?

Епископ Губкин-Софроний: Очень важно, что документы, которые касаются внутреннего делания церкви, в частности, катехизации перед таинством крещения, входят в жизнь. Помню, на Соборе в 2013 году Патриарх сказал: либо мы принимаем документ и работаем, либо мы его не принимаем – потому что работать не собираемся. Слава Богу, уже видны процессы, которые показывают, что новый подход к катехизации дает положительные

результаты. Люди не просто крестятся, они проходят катехизацию и делают это с радостью. Мы уже ушли от мифологемы, что быть русским – это значит быть православным, а быть православным – это значит креститься, но в церковь не ходить. Ситуация изменилась в корне. Теперь люди, которые приходят осознанно или не совсем, посещают обязательные беседы перед крещением. Катехизация нужна, чтобы крещение перестали воспринимать формально, а для этого нужно войти в церковь по-настоящему, через подготовку стать ее неотъемлемой частью. Я думаю, что это очень важный момент.

Сколько бесед перед крещением проводится в вашей епархии?

То количество, которое сегодня определено в качестве минимального, – две беседы, но на разных приходах это бывает по-разному. Сейчас мы думаем над тем, как унифицировать практику, чтобы обязательные требования исполнялись всеми. Впрочем, я думаю, что может быть и больше. Все зависит от пастыря, от того, как он на это смотрит, видит ли он, что человек (особенно если он уже осознанно приходит в Церковь Божью) действительно готов к принятию таинства.

Еще одно из важных направлений – это работа с восприимчивыми. Пора перестать относиться к ним лишь как к кумовьям, которые должны помогать ребенку в трудные моменты жизни, подарки дарить. Нет, друзья! Мы от этого уже отошли. Восприимчив – это тот, кто отвечает перед Богом, перед Церковью, сам перед собою за своего крестника, за его христианское воспитание. И сегодня у нас восприимчивики тоже стараются все пройти катехизацию.

Что бы Вы могли посоветовать тем священникам, у которых люди упираются, не хотят идти на катехизацию?

Я думаю, что людей нужно пригласить на встречу, на беседу: «Давайте поговорим о Боге. Почему вы приходите в церковь? Для чего вам это нужно?» Пусть это будет простая беседа за чашечкой чая о жизни. Пастырь должен поддерживать людей в разной ситуации, в разные моменты их жизни. А потом уже говорить о том, для чего принимают крещение. Простое человеческое отношение, взгляд, добрая улыбка – все это будет действительно способствовать катехизации. Начать нужно с малого, не «загружая» человека с первых слов сложными богословскими терминами. Это все нужно, но вовремя. Пищу давать нужно потихоньку и «в зависимости от возраста».

Священник Максим Плякин, клирик храма Рождества Христова г. Саратова, член Межсоборного присутствия, член комиссии по канонизации подвижников благочестия Саратовской епархии: О чем

нельзя не сказать, отвечая на вопрос о проблемах: после того, как подготовку к крещению сделали обязательной, резко снизился поток крещающихся. У нас в епархии заведен такой порядок: если взрослый желает креститься, то прежде чем его отправляют на беседу, он оставляет анкету – фамилия, имя, отчество, какие-то контактные данные, чтобы человека можно было потом найти. Про-

анализировав эти анкеты и мои отчеты о количестве допущенных к крещению, мы вместе со старостой нашего храма выяснили, что на этапе первого собеседования у нас в приходе отсеклось 85% желающих. А что такое моя первая беседа? Я требую, чтобы люди прочли Символ веры, хотя бы просто познакомились с этим текстом, чтобы они познакомились с текстом Десяти заповедей, прочитали хотя бы Марка – самое короткое из Евангелий и сказали, есть ли у них какие-нибудь вопросы, вызвали ли тексты какое-то непонимание. Потом, если человек приходит на вторую беседу и говорит: «Здесь, здесь и здесь я что-то не понял», – мы уже садимся и прицельно работаем с конкретным человеком. Я принципиально не ставлю срок. Кто-то мне звонит буквально через день и говорит: я не вижу ничего, с чем я бы не согласился, я читаю и понимаю, что я в это верю, я это готов исполнять... Все, мы встречаемся, я понимаю степень решимости человека и уже дальше отправляю его к людям, которые готовят группу на крещение. Иногда бывает, что дело затягивается на недели, на месяцы – всякое бывает. У нас есть храм, где Символ веры требуют учить наизусть; я требую хотя бы прочитать. И вот на этом требовании – прочитайте Символ веры, одно из Евангелий и ознакомьтесь с Десятью заповедями – оказался отсев 85%. То есть в среднем 6 из 7 предыдущих уходили.

К сожалению, в нашем народе не созрело окончательно понимание того, что крещение – это обязательство. Что это не только право быть в народе Божьем, а еще и обязанность законы этого народа соблюдать; что для принятия крещения нужно не просто верить в Бога, но верить Христу как Царю и Богу, как мы говорим при принесении крещальных обетов. А подданный Царя обязан законы Царя соблюдать. И мне кажется, что как евреям надо было сорок лет провести в пустыне, так и нам; и пока мы свои сорок лет не отгуляли, рано говорить о полноценном возрождении внутренней жизни церкви. Мы стараемся всеми силами возобновить хотя бы внешние формы церковной жизни, и я надеюсь, это приведет к тому, что люди перестроятся. И за что я благодарен патриарху Кириллу – так это за то, что он вслух сказал: человека, не соблюдающего какие-то минимальные требования к просвещению, вообще нельзя допускать до крещения. Уже тот факт, что это было сказано, очень многое значит.

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная, Софья Андросенко Фото: Андрей Васенев, Александр Волков

Владимир Якунцев, сотрудник Научно-методического центра по миссии и катехизации при СФИ: Я считаю, что за прошедшие годы сделано действительно много, потому что катехизация, само ее существование становится в церковном сознании нормой. Сейчас священник, который занимается катехизацией, не является чудачком или выскочкой – он выполняет то, что он должен делать. И сам факт наличия катехизации, на мой взгляд, способствует изменению церковного сознания. И священники, которые хотят здесь как-то особо потрудиться, в общем-то имеющиеся возможности раскрывают.

Перспектива здесь связана, конечно, уже с каким-то качественным скачком, потому что то, что можно было сделать в рамках административного ресурса, уже сделано. Он себя на сегодняшний момент исчерпал. Это показали и прошедшие Рождественские чтения. Если и говорить теперь о катехизации и перспективах ее развития, то это значит говорить о длительной, полноценной катехизации, которая проводится на святоотеческих принципах, которая исходит из святоотеческих и евангельских критериев готовности к крещению. Но говорить об этом немного сложно, все упирается уже в какой-то строй, уклад церковной жизни, потому что такая катехизация требует в хорошем смысле харизматичности, большого вдохновения, и если этого нет, то такая катехизация просто невозможна, она будет ужасной тяжестью, ярмом, проклятьем для тех, кто решится ей заниматься. Поэтому стремление тех, кто отвечает за катехизацию, – сотрудников Синодального отдела по религиозному образованию и катехизации, которые на самом деле хотят чего-то хорошего, – к тому, чтобы устроить критерии готовности к крещению, увеличить количество бесед, наталкиваются на сопротивление со стороны священства. Это происходит, поскольку даже те, кто осознает необходимость движения в эту сторону, понимают, что с помощью приказов, инструкций и обличений здесь уже ничего не достигнуть – это приведет только к саботажу, лицемерию, припискам и лукавству.

Поэтому дальнейшее развитие катехизации уже напрямую будет связано с повышением качества самой церковной жизни, с тем, чтобы она действительно становилась общинной, братской, чтобы критерием того, что человек является членом церкви, было не просто его участие в таинствах и даже в евхаристии, а то, что он приносит плоды своей христианской жизни, свидетельствует о Христе, собирает народ Божий, служа своим даром. Вот тогда, при таких целях – да, необходима будет длительная катехизация, полноценная, полная, святоотеческая.

Для того чтобы движение в эту сторону происходило, нужно поддерживать те хорошие примеры длительной катехизации, которые на сегодняшний момент в нашей церкви есть. Они есть, слава Богу. Да, они разные, немножко с разными подходами, с разными критериями, но все-таки есть живой опыт. И очень важно, чтобы в церкви создавалась атмосфера, в которой этот опыт можно обсуждать. Также нужно поддерживать всякое движение к общинной жизни, к тому, чтобы реализовывалась местная соборность в церкви. Если будет движение в эту сторону, тогда и катехизационный потенциал раскроет себя, и мы когда-нибудь скажем, что в нашей церкви нормой является полная длительная катехизация, основанная на святоотеческих принципах.

16–18 мая 2016 года Свято-Филаретовский православно-христианский институт проводит очередную конференцию по катехизации

Она продолжит ряд конференций предыдущих лет, посвященных возрождению и творческому применению традиции святоотеческой катехизации в современных условиях церковной жизни. Тема конференции: «Традиция святоотеческой катехизации. Керигматическая проповедь о Христе для “слушающих” и “просвещаемых”».

На конференции будут обсуждаться следующие вопросы и проблемы:

- Отношение ко Христу современных оглашаемых;
- Когда оглашаемый должен определиться в своем отношении ко Христу: на первом или втором (основном) этапах катехизации? на таинствоводстве?
- Что значит для оглашаемого уверовать во Христа?
- Что такое «встреча со Христом» для оглашаемого (опасности психо-

логизации, богословских абстракций, сведения к участию в таинствах);

- Каким должно быть свидетельство о Христе во время катехизации (различение керигматического, догматического и экзистенциально-мистического аспектов);
- Основания для совершения чина отречения от сатаны и сочетания со Христом: знание, доверие старшим или опыт? Если опыт, то какой?

- Крест и Воскресение – исторический или метаисторический факт для оглашаемых? Как он относится непосредственно к ним? Ко всем людям?
- Единство восприятия этапов жизни Спасителя: Рождества/Богоявления – Жизни и Учения – Креста/Воскресения/Вознесения.

В ближайших номерах «Кифа» планирует, как обычно, опубликовать серию материалов по этим вопросам.

Профессор Карл Христиан Фельми и ведущая презентации Юлия Балакшина

Мы уже писали о презентации нового издания книги «Введение в современное православное богословие» профессора, доктора богословия диакона Василия (Карла Христиана) Фельми, которая прошла в декабре ми-

Презентация книги диакона Василия Фельми прошла в РХГА

нувшего года в Москве. Недавно такая же презентация прошла в Санкт-Петербурге, в актовом зале Русской христианской гуманитарной академии.

После представления книги слово было предоставлено залу. Преподаватель СПбДА кандидат богословия иерей Сергей Золотарев рассказал, что впервые познакомился с книгой (с первым ее изданием) во время... свадебного путешествия. В те времена Карл Христиан Фельми был еще лютеранином, и отец Сергей был потрясен тем, как лютеранин любит православие: «Книга показала мне глубины и красоты нашей веры, которых не было в наших учебниках». Отец Сергей добавил, что хотя в названии книги есть слово «Введение», к ней не надо относиться как к предисло-

вию – это очень серьезный, глубокий, самодостаточный текст.

Отец Василий пошутил в ответ, что решил прибегнуть к слову «введение», чтобы не испугать читателя: «Подумайте, если бы книга называлась “Современное православное богословие”, ее никто и читать бы не стал».

Иерей Алексей Юдин, настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в Невском лесопарке, назвал книгу «очень важной в плане развития православного богословия», но подчеркнул, что ему не хватает не только в книге, но и вообще в богословской науке развернутой концепции христианской антропологии. На эмоциональное выступление отца Алексия отец Василий откликнулся тоже эмоционально:

«Я понял, что не написал главу об антропологии. Такая проблема существует, я в курсе полемики, но решения у меня нет. Вряд ли я уже возьмусь за столь фундаментальный труд, пусть напишут молодые».

На вопрос из зала, почему известный богослов-лютеранин перешел в православие и чем вообще отличаются протестанты от православных, отец Василий ответил: «Протестант приходит в храм, чтобы слышать Слово Божие, православный – чтобы молиться. Меня привлек именно дух молитвы – наверное, даже больше, чем догматика». Упомянул он и о влиянии православного церковного искусства, в частности, русской иконописи.

По материалам сайта Санкт-Петербургской митрополии

«Кифа» обратилась к гостям презентации с вопросом: «Как Вы считаете, что является наиболее серьезной, наиболее острой проблемой в преподавании богословия сегодня?»

Протоиерей Владимир Федоров: За что ни возьмись – проблема. Прежде всего, на мой взгляд, важно понять, что богословие – это не естественнонаучная дисциплина, а язык образов. И не надо ждать дефиниций, определений. Богословие – это попытка образами описать тайну. Формулы, например, догматические, в этом смысле ограничены. Тайна остается Тайной, таинство – Таинством.

Протоиерей Михаил Браверман: Тут дело не в проблеме, а в том, чтобы люди поняли, что богословие – это актуально, это то, от чего на самом деле зависит их жизнь во всех планах – личных, общественных, социальных, политических, потому что от Бога все: ни один волос не станет черным или белым без Бога. А знать о Боге, т. е. богословствовать правильно – это самое важное, что есть в жизни. Когда мы смотрим в историю, мы удивляемся, почему византийцы проводили время в казалось бы

таких отвлеченных спорах, что правильно: $\delta\mu\omega\delta\iota\sigma\mu\omega\varsigma$ или $\delta\mu\omega\lambda\omicron\gamma\iota\sigma\mu\omega\varsigma$. Но ведь наша жизнь действительно зависит не от курса евро, не от политики президента и премьер-министра: в первую очередь наша жизнь зависит от Бога. Поэтому интересоваться вопросами богословия намного актуальнее, чем интересоваться вопросами политологии и социологии. И, наконец, если наши отношения с Богом – это любовь, потому что Бог есть Любовь, и прийти к Нему можно только научившись любить всем сердцем, всеми силами души и разума, то, соответственно, если мы любим, мы хотим знать о предмете любви. Посмотрите, ведь Богом мы живем, и движемся, и существуем, как говорил апостол Павел к жителям города Афины. Поэтому Бог – не предмет науки; богословие, с одной стороны, это – дисциплина гуманитарная, а с другой стороны, оно должно стать молитвой, богослужением, должно стать нашим Путем к Богу, должно стать, в конце концов, всей нашей жизнью.

Священник Виталий Фонькин: Мне кажется, что презентация показала довольно хорошо, что все-таки для значительной части православного общества вопрос экклезиологии ограничивается Евхаристией и соборием на Евхаристию. Для меня сегодня стало особенно ясно, что даже для интеллектуальной элиты

православия является вопросом: а может ли быть еще что-то после Евхаристии и зачем это нужно?

Речь не о том, чтобы просто собраться на приходскую трапезу. Я знаю несколько русских приходов за рубежом, где приняты такие трапезы, и могу сказать, что все-таки там тяга людей друг к другу больше всего обусловлена не какими-то глубинными вопросами единства в вере, а скорее национальным вопросом, жадой общины «по крови». Это везде чувствовалось: в Норвегии, в Италии, в Африке.

И еще для меня с особой остротой прозвучала и определилась тема задаваемых чисто научным, рациональным подходом к богословию довольно жестких рамок схоластики и рационализма. В этих рамках довольно сложно появиться каким-то живым людям, мистикам. Хотя книга о. Василия, мне кажется, представляет собой попытку более живого опыта, и сам автор как раз и является примером богослова, который молится.

О критике «школьного богословия»

Начало на с. 1

Интервью преподавателя догматического богословия в СПбДА, клирика Новгородской епархии протоиерея Сергея Золотарева

Вспомним святителя Григория Богослова: он и поэт (несколько лет назад на русском языке была издана его поэма «De vita sua» в замечательном стихотворном переводе о. Андрея Зуевского), и в то же время величайший догматист, которого Церковь удостоила звания «Богослов».

Итак, если говорить о школьном, т. е. семинарском изучении богословия, то одна из главных его проблем – это недостаточность базовых знаний. Необходимо, в частности, перестроить учебные планы. Например, те предметы, которые раньше были в самом начале обучения, и те, которыми образование завершали, теперь преподаются либо параллельно, либо иногда даже, к сожалению, «в обратном порядке».

А Вы на каких курсах преподаете?

Я преподаю на втором и третьем курсах бакалавриата догматическое богословие, а на первом курсе достаточно новый для семинарии предмет «Введение в специальность», в рамках которого студенты получают знания и навыки по поиску и обработке информации, правильному оформлению справочно-библиографического аппарата и т. д. Казалось бы, это формальный предмет, но студентам очень не хватает подобных знаний. А причиной является в том числе и недостаточность нашего школьного, а порой и высшего светского образования. Безусловно, в ряде ведущих университетов или гуманитарных факультетов есть хорошее преподавание логики и философии, но в целом у нас то, без чего невозможно хорошее школьное богословие, проходится, к сожалению, очень поверхностно.

Мы знаем, что богословие в течение семидесяти советских лет находилось под давлением, и, видимо, не могло развиваться. Но ведь богословие не может замереть... На

презентации звучал даже вопрос о новом богословии. Какие Вы тут видите перспективы? В чем может выражаться развитие богословия?

Давайте вспомним замечательные слова прп. Викентия Лиринского: «Говоря ново, не скажи нового». Содержание догматики неизменно: ведь это истина о Боге, а «Иисус Христос вчера, и сегодня, и во веки Тот же» (Евр 13:8).

В то же время форма изложения может изменяться. Догматические формулировки со временем улучшаются, уточняются, шлифуются. Истолкование догмата, т. е. раскрытие, осмысление его в свете актуальных проблем, мне кажется, и возможно, и необходимо. Другой вопрос, что прежде нужно хорошее изучение и усвоение всего того, что было сделано в нашем академическом богословии в дореволюционные годы. И это не только фундаментальные труды XIX века, когда наши блестящие академики – свт. Филарет Черниговский, митр. Макарий (Булгаков), еп. Сильвестр (Малеванский) и др. – создали свои догматические системы, но и то, что рассеяно по тысячам страниц таких журналов, как «Христианское чтение», «Богословский вестник», «Миссионерское обозрение»⁴ и многих других. Особенно интересные работы, вышедшие из-под пера после 1905 года. В настоящее время в основном изучаются материалы Предсоборного присутствия и Деяния Поместного собора 1917–1918 гг., в то время как огромное количество богословского материала оказалось буквально похоронено. А ведь нередко в тех работах мы можем найти ответы на многие «современные» вопросы. Убежден, что на уровне бакалавриата, где я преподаю, нужно в первую очередь вдумчивое проникновение, углубление в то, что уже дано – и в результате осмысления, усвоения, вхождения в это свое наследие возможен какой-то новый

импульс. Книга К.Х. Фельми называется «Современное православное богословие», но ведь автор отталкивается в своей работе от богословов, в первую очередь русских, рубежа XIX и XX веков, и затем уже обращается к современным персоналиям. Когда-то Исаак Ньютон сказал: «Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов». Вот так нам нужно наследие наших великих предшественников для движения вперед. Слава Богу, сейчас усилиями Санкт-Петербургской, Московской, Киевской духовных школ в большом количестве оцифровываются дореволюционные журналы, диссертации, книги, и теперь это становится доступным для всех.

Вы говорите о таких важных вещах, о том, что надо воспринять философские основы, использовать опыт наших предшественников. Насколько это реально в сегодняшней семинарии?

Мне кажется, просто нужно искать релевантные методы – соответствующие методы подачи материала, не стесняться, не бояться использовать современные технологии. Даже не обязательно мультимедийные (на самом деле, ряд современных исследований показывает, что, скажем, презентации часто идут во вред, т. к. отвлекают и поработают самого лектора, делают его «рабом» картинок), а может быть, техники ораторского искусства, преподавательской маневренности. Я знаю, что в некоторых светских вузах студентов младших курсов снова заставляют писать рефераты от руки, чтобы человек не слепо копировал найденную на просторах интернета информацию, а хотя бы что-то осмыслил из того, что он читает.

Можно вспомнить знаменитый миф из платоновского диалога «Федр» об изобретении письменности. В ответ на слова бога Тевта (Тота), что изобретенная

им наука сделает людей более мудрыми и памятьливыми, фараон говорит буквально следующее: «ты, отец письмен, из любви к ним придал им прямо противоположное значение. В души научившихся им они вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многословными, оставаясь в большинстве невеждами, ... станут мнимомудрыми вместо мудрых». К этим словам можно уже ничего не добавлять.

Мы сталкиваемся теперь уже с переизбытком информации. Все, что раньше люди копировали, переписывая от руки, теперь обрушивается на неподготовленного человека в избыточном количестве, стоит лишь нажать кнопку поисковика. Но как во всем этом разобраться? Ведь это проблема не только тех, кто приходит в семинарию, это проблема вообще нынешнего «нечитающего» поколения. Поэтому сегодня преподаватель должен в первую очередь научить учащегося ориентироваться в море специальной литературы, вводить в круг основных проблем, и, конечно же, подталкивать студентов к самостоятельной работе.

Беседовала Анастасия Наконечная
Фото: Елена-Алена Терешко

³ См., например, учебник прот. Николая Малиновского – один из самых известных дореволюционных учебников по догматическому богословию.

⁴ «Христианское чтение» – ежемесячное издание при Санкт-Петербургской духовной академии, выходило в 1821–1917 гг.; «Богословский вестник» – ежемесячное издание Московской духовной академии, выходило в 1892–1918 гг.; «Миссионерское обозрение: Противосектантский журнал» – ежемесячное издание, выходило в Киеве в 1896–1916 гг.

Родовые черты обновленчества

Каждый раз постом (особенно Великим постом) мы своим небольшим кругом беремся вместе прочитать ту или иную книгу, помогающую разобраться в нашей общей жизни в церкви. В этом году мы думали вместе поразмышлять о проблемах нашей недавней истории и выбрали книгу А. Краснова-Левитина и В. Шаврова «Очерки по истории русской церковной смуты». Один из авторов (Краснов-Левитин), принадлежавший в молодости к обновленческому расколу, пытается везде, где это только возможно, найти слова оправдания для тех, кого он знал лично и когда-то любил и уважал. Тем не менее факты – а авторы, несмотря на свои личные взгляды, иногда разные, сделали лейтмотивом поиски правды, и поэтому старались не обходить даже самые «неудобные» из них – настолько явственно говорят о том, что именно происходило, что никакие оценки и оправдания не способны этого зачеркнуть. В издании приводится много документов, цитат из прессы 1920-х годов, и государственной, и обновленческой (церковных изданий к тому времени уже не было)¹.

Один из главных вопросов, который встает при последовательном, вдумчивом чтении: почему обычно так мало «считываются» из статей про обновленчество те факты, которые следуют из документов и других свидетельств? Может быть, потому, что они воспринимаются как оценки авторов, полемические фигуры речи? Или просто все, происходившее в те годы, кажется далеким, неинтересным, заведомо ясным? Вот факты, мимо которых оказывается невозможным пройти, то, что не может не удивить (в очередной раз...)

1. Как много среди руководителей обновленческого раскола было бывших консерваторов, вплоть до 1917 года придерживавшихся строго монархических, националистических и церковно-консервативных взглядов

Вот один из главных участников захвата власти Высшим церковным управлением в 1922 году, в дальнейшем руководитель группы «Живая церковь», прот. Владимир Красницкий, – человек, «прославившийся» отвратительной клеветнической обвинительной речью на процессе митр. Вениамина (Казанского) и наиболее активным сотрудничеством с ГПУ:

Владимир Красницкий

«Еще в семинарии он пользуется репутацией благонадежнейшего семинариста, прислуживает в алтаре и является любимцем начальства. В Академии он работает над рефератом “Обличение социализма”, в основе которого лежит тезис: “Социализм от дьявола”. Еще будучи студентом, он становится членом “Союза русского народа”², а по окончании Академии назначается священником в церковь “Союза русского народа” в Петербурге. В 1912 году, во время дела Бейлиса, он неоднократно заявлял, что “евреи употребляют в ритуальных целях христианскую кровь”... В журнале “Епархиальные ведомости” ему принадлежала статья, где буквально было написано: “Большевики следуют уничтожать, утопив их в собственной крови”».

Вот один из главных обновленческих лидеров Петрограда, впоследствии «митрополит Ленинградский» прот. Николай Платонов:

«Платонов являлся до революции деятелем с ярко выраженной консервативной окраской: в его статьях то и дело встречаются такие словечки, как: “всемирный кагал”, “подозрительная свистопляска, поднятая мировым иудейством вокруг Бейлиса”, “либеральные шабесгой” и т. д... В 1918 г., после революции, Платонов стяжал себе громкую известность в церковных кругах своей речью в Исаакиевском соборе на патриаршем богослужении. В этой проповеди Платонов воспевал патриаршество – тут же молодой священник был награжден камилавкой, которую он получил лично из рук патриарха Тихона».

Можно было бы здесь упомянуть и других бывших членов «Союза русского народа» – архиепископа Смоленского) Алексия (Дьяконова) (автора «канонического обоснования» решения обновленческого собора о лишении сана свт. Тихона) и прот. Д. Адамова, можно было бы вспомнить и «епископа Вологодского», прот. А. Надеждина, выставившегося когда-то на выборах в Думу от «Союза русского народа», и одного из членов ВЦУ, автора первого программно-документа организации «Живая церковь» прот. Сергия Калиновского, примыкавшего до 1917 года к наиболее правым кругам духовенства (круг прот. Иоанна Восторгова)³...

К сожалению, обвинения в «перевертышестве» можно было бы предъявить и тем деятелям раскола, кто когда-то входил в число ревнителей церковного обновления (такие люди были, хотя их на удивление немного)⁴. Ведь движение за церковное обновление, существовавшее в начале XX века, ратовало прежде всего за освобождение церкви от удушающих «объятий» государства. Обновленческий же раскол искал даже не объятий христианской империи, а объятий безбожного государства, нацеленного на уничтожение церкви.

2. Бесперывное разделение внутри обновленчества, дробление на разные «толки», личные конфликты

Все хорошо знают, что очень быстро среди обновленцев возник конфликт между кругом Красницкого (группа «Живая церковь» – самая крупная часть раскола) и кругом Антонина Грановского (этот круг потом разделился еще на две части, большая из которых ушла к Введенскому, а меньшая, в полтора десятка приходов, осталась с Антонином, который формально вплоть

до осени 1923 года был главой ВЦУ и «митрополитом Московским», а потом был запрещен обновленцами в священнослужении и ушел «в свободное плавание»⁵). Но в повествовательном тоне это не «цепляет». А вот один из описанных в этом ряду эпизодов у Краснова-Левитина меня поразил и картинка сразу «оживила»:

«Грандиозный скандал разыгрался в воскресенье 10 сентября в Страстном монастыре. На этот день была назначена хиротония прот. Константина Федоровича Запрудского во епископа Витебского. Хиротонию должен был совершать Антонин. Сослужить ему должны были епископ Николай Федотов, а также представители ЦК “Живой Церкви”: В. Красницкий, А. Нименский и П. Сергеев. Уже с самого начала богослужения митрополит вел себя так, как будто он не замечает Красницкого: когда после возгласа Красницкий ему кланяется, Антонин не отвечает благословением. Когда во время малого входа Красницкий хотел (по обычаю) поддержать Антонина, тот резко от него отстранился. Самое страшное случилось, однако, перед Символом Веры; как известно, при словах “Возлюбим друг друга” все священнослужители подходят к архиерею для взаимного лобзания “и глаголет архиерей: Христос посреде нас. И отвечает целовавый: И есть, и будет” (Служебник). “Нет Христа между нами”, – проговорил на всю церковь Антонин, когда к нему подошел Красницкий; то же самое сказал он П. Сергееву – одному из самых активных живогерковников. “Нет и не надо”, – единственное, что мог ответить оторопевший Красницкий».

3. В документах, принятых обновленцами, нет ни слова об обновлении церковной жизни, только об отношении к власти и преференциях для брачного духовенства

Об отношении к власти ярче всего говорит резолюция съезда одной из частей обновленческого движения – «Союза общин древлеапостольской церкви»⁶ (15 марта 1923 года):

«...съезд определенно, всей силой своего нравственного авторитета, поддерживает великие принципы Советской власти, ее начинания, направленные к благу России и всего трудящегося человечества, и зовет к тому же всех верующих Православной Церкви и всего мира... Тихоновская церковность осуждается определенно и до конца, как смешавшая церковные задачи с целями контрреволюционными».

Вот в кратком пересказе все решения 1-го обновленческого собора (май 1923 года):

1-е постановление: лишить сана свт. Тихона.
2-е постановление: объявить не имеющим никакой силы анафематствование советской власти; свт. Тихона объявить лишенным не только сана, но и монашества; отменить восстановление патриаршества.
3-е постановление: ввести брачный епископат.
4-е постановление: разрешить второбрачие священнослужителям, разрешить священнослужение женатых на вдовах или разведенных.

Резолюция о мошак: осудить фальсификацию нетленности, мощи предавать в будущем земле, а существующие «держат в простоте, на вскрытии».

Резолюция о монастырях: закрыть монастыри, «благословить Союз и Братство христианско-трудовых общин в сохранившихся монастырских стенах, как подвиг личного спасения и училище благочестия».

Резолюция о стиле: перейти на григорианский стиль. Резолюция о церковной эмиграции: отлучить от церкви всех членов заграничного Карловацкого Собора.

И наконец резолюция о реформах (обсуждалась последней, приводим полностью): «Священный Собор Православной Русской Церкви, заслушав доклады о намеренных церковных преобразованиях обновленческими группами, считает необходимым, не вводя никаких догматических и богослужебных реформ, пригласить всех работников церковного обновления всемерно скреплять единство церкви, благословляет творческую инициативу и сделанный почин, направленный на пробуждение религиозного чувства, церковного сознания и общественной нравственности».

4. Ощущение какой-то нечеловеческой подлости

Иногда какие-то события становятся гораздо яснее, когда их представишь себе в хронологическом порядке. И в этом смысле показательно само начало раскола.

В апреле 1922 года начинается московский процесс о сопротивлении изъятию церковных ценностей.

6 мая трибунал вынес частное определение о привлечении к уголовной ответственности свидетеля гражданина Белаваина (Святейшего патриарха).

7 мая объявлен приговор. Одиннадцать человек приговорены к расстрелу.

9 мая священники Александр Введенский и Евгений Белков, а также псаломщик Стефан Стадник приезжают из Петрограда в Москву. Там их встречает прибывший раньше Красницкий.

12 мая в 11 часов вечера к Троицкому подворью, где находится в заключении патриарх, подъезжает автомобиль. Из него выходят Введенский, Красницкий, Белков, Калиновский и псаломщик Стадник. В двенадцатом часу ночи в сопровождении двух работников ГПУ они входят в кабинет, где их встречает поднятый с постели патриарх. В течение нескольких встреч до 18 мая они добиваются: 1) того, чтобы патриарх решил передать церковное управление одному из старейших иерархов, 2) письма от него к митр. Агафангелу (Преображенскому), 3) согласия на то, чтобы они вместе с еп. Леонидом приняли

дела канцелярии и передали их митр. Агафангелу, когда он придет⁷. Эта бумага и становится формальным основанием для создания ВЦУ и захвата власти (сначала как бы «временного»).

До 26 мая, когда был приведен в исполнение приговор по московскому трибуналу⁸, еще можно было хоть как-то себе представить, что это не захват власти ценой крови и страданий других людей, а попытка договориться с государственной властью ради спасения церкви и единоверцев (возможно, кто-то из этих людей, скажем, Введенский, так и думал о себе, пытаясь не видеть подлости происходящего; тем более что 17 мая эти люди написали прошение председателю ВЦИК о прощении осужденных). Но дальнейшие события делают невозможным искать даже такие объяснения. Рассказывать о них я уже не буду – слова митр. Вениамина, обращенные к пришедшему к нему в компании чекистов и попытавшемуся подойти под благословение Введенскому «Мы же не в Гефсиманском саду», суд в Петрограде и все, что было дальше в епархиях, где все несогласные с обновленцами «неожиданно» оказывались в заключении, слишком хорошо известны.

Именно самое начало раскола раньше не складывалось у меня хронологически в такую ясную картину, вызывающую ужас.

Размышляя об этом, я поняла, что очень похожее чувство когда-то уже испытывала. И правда: вот это недоумение от степени совершающейся подлости у меня было очень отчетливым во время событий 1997 года в храме Успения в Печатниках (не столько от самой провокации, направленной против настоятеля и прихожан, сколько от беспрерывной, льющейя со всех сторон неправды). Недоумение это сопровождало и работу над документами для сборников «Христианский вестник»⁹, благодаря которой я видела всю картину сегодняшних гонений на церковь

(в отношении многих живых людей и движений) целиком: было невероятным то, что в этом участвовали люди, казалось бы, церковные, а степень их лжи переходила все разумные границы. Да, конечно, и масштабы, и степень трагичности сегодняшних событий и тех, что происходили в начале прошлого века, несоизмеримы; но характер, «вкус» подлости вполне узнаваем. Неслучайно среди церковных аналитиков все больше крепнет убеждение, что реальными наследниками «обновленцев» 1920-х – 1930-х годов являются не те, кто искренне ратует за церковное обновление, а те, кто мыслит жизнь церкви не иначе как в тесной смывке с государством, заодно оправдывая все, что связано с деяниями этого государства в недавней истории нашей страны в XX веке. Помимо этого – главного – «принципа» есть еще один: банальный прагматизм, благодаря которому становится «дозволенной» любая беспринципность.

И в самом деле: разве мы не знаем в нашей современной жизни таких «перевертышей», как Красницкий и компания, людей, сегодня говорящих одно, а завтра – прямо противоположное? Достаточно вспомнить протодьякона Андрея Кураева, семь лет назад активно ратовавшего за избрание патриарха Кирилла, а теперь практически каждый день поливающего его грязью в своем блоге. Разве нам не известны не просто «реабилитаторы», но и восхвалители «достижений советской власти» и лично Сталина – даже сейчас, когда благодаря открытым документам преступления советской эпохи стали широко известны практически каждому и если и возможны какие-то разногласия по этому вопросу, то только по количественной оценке жертв, счет которым идет на миллионы¹⁰ И наконец, разве мы не знаем «сектоведов», которые отличаются стремлением заменить «плодотворным взаимодействием с органами» диалог не только с представителями других религий, других христианских конфессий, но и со своими православными единоверцами? И разве именно этим все они не напоминают худших из своих идейных предшественников?

Александр Дворкин

Александра Колымагина

¹ Лишь в 1931 году был разрешен остававшийся единственным до 1989 года церковный печатный орган «Журнал Московской Патриархии», выходявший в 1931–1935 годах, а также с 1943 года и поныне.

² Самая массовая политическая организация в дореволюционной России, стоявшая на позициях консерватизма, строгого монархизма и русского национализма.

³ Интересно, что на первом съезде «Живой церкви» в 1922 году из шести докладчиков трое были бывшими членами Союза русского народа: Владимир Красницкий, Димитрий Адамов, Алексий Дьяконов.

⁴ Так, например, из 32-х членов «группы столичных священников», ревнителей церковного обновления, среди участников послереволюционного обновленческого раскола оказался лишь один человек – протоиерей Павел Раевский.

⁵ По свидетельству Краснова-Левитина, в его архиве были документы, говорящие о желании еп. Антонина (не осуществившемся из-за его кончины) примириться с митр. Сергием (Страгородским).

⁶ Любопытно и решение Съезда Живой церкви (6-17 августа 1922 года): «Предписывается увольнение архиереев-монахов, которые противодействуют обновленческому движению. Высылка из пределов епархии всех противников обновленческого движения (особенно архиереев), роспуск приходских советов, не принимающих пастырей, признавших ВЦУ».

⁷ Буквально резолюция патриарха звучала так: «Поручается поименованным ниже лицам принять и передать Высокопреосвященному митрополиту Агафангелу, по приезде его в Москву, синодские дела при участии секретаря Нумерова, а по Московской епархии – Преосвященному Иннокентию, епископу Клинскому, а до его прибытия Преосвященному Леониду, епископу Вернинскому, при участии столончальника Невского».

⁸ Из 11 человек, приговоренных к расстрелу, шесть были помилованы, пять расстреляны.

⁹ Серия сборников документов, связанных с событиями новейшей истории Русской церкви 1990-х – 2000-х гг.

¹⁰ Об этом в связи с организованной еп. Тихоном (Шевкуновым) выставкой «История России: от великих потрясений к Великой Победе» см. в статье «Об истории и псевдоистории», «Кифа» № 15(201), декабрь 2015 года.

Начиная разговор о даре дружбы

Начало на с. 1

И действительно, эта тема волновала не меня одну. Одна из участниц, ректор петербургской Высшей религиозно-философской школы Наталья Печерская так и сказала мне в первый же день: я специально приехала на круглый стол о соотношении дружеского круга и институции, т. к. это вопрос, который меня сейчас больше всего волнует – возможно ли сосуществование одного и другого, какие тут есть трудности и т. д. Кстати, с не меньшим интересом на тему конференции реагировали и люди, которые только узнавали о ней. Например, в фейсбуке у Ольги Седаковой можно встретить комментарии от простого «ничего себе, какие конференции бывают! Как бы я хотела на такую попасть!» до уже вполне конкретных вопросов о том, бывает ли дружба не взаимной, или утверждений, что тема «дружеского круга с его высокой этической нормой связей и отношений как нельзя более актуальна для нашей социокультурной ситуации, для людей, не находящихся для дружбы времени и душевных сил».

Не могу сказать, что меня удивила атмосфера конференции. Каждый раз в конференциях Преображенского братства или Свято-Филаретовского института (а в этот раз они оба были ее организаторами вместе с музеем Анны Ахматовой из Петербурга) действительно очень согревает атмосфера приветливости, интереса не только к темам, а в первую очередь к людям, какая-то даже домашность происходящего. В этом, конечно, большую роль играет КПЦ «Преображение», являющийся по-настоящему братским домом.

Кстати, в конференции принимали участие потомки бывших хозяев этого дома, вернее, той усадьбы, которая была на его месте до революции. К ХХI веку от нее остался только фундамент. Марина

Смолянинова уже не первый раз была здесь. Когда-то здесь жил ее прадед... А вот предводитель российского дворянства Олег Щербачев сам был удивлен, увидев на стендах, описывающих историю усадьбы Богоявленское-Брыково, среди ее первых хозяев Собакиных. Оказалось, что сам он происходит из того же рода.

Работа конференции также была построена с учетом того, что проходила она именно в гостеприимном доме. Помимо пленарных и секционных заседаний дважды за три неполных дня работы проходили вечера воспоминаний – за чашкой чая, сев небольшими кружками, мы слушали воспоминания тех, кому посчастливилось быть участниками дружеских кругов советского времени. Ольга Седакова вспоминала, что «вторая культура» была той основой жизни, без которой невозможно было нормально выживать в душевной советской атмосфере. Они жили как бы в СССР, но одновременно и вне этого тоталитарного пространства. Наталья Микова рассказала о деревне Петрово и о том, с какой радостью они с 1970-х годов принимали каждый раз нового человека, становившегося не просто дачником, но и практически всегда – членом их дружеского круга. Вспоминали о своих дружеских кругах и другие участники.

Как выяснилось, какие-то круги уже прекратили свое существование, подарив нам замечательных поэтов, художников, мыслителей и историков, а какие-то – как Петрово – существуют до сих пор.

Должна признаться, что в отличие от остальных конференций Преображенского братства эта зацепила меня лично гораздо сильнее. Находясь в этой атмосфере и узнавая о все новых и новых явлениях дружбы, слыша о том, какое это высокое явление, дар Божий, Его посыл, всегда сопровождающийся радостью

и счастьем, невозможно было не вспомнить свою жизнь и свой опыт дружбы. И это было не всегда легко. Не случайно в один из дней конференции прозвучало, что иногда дружбой приходится и жертвовать или, по крайней мере, рискнуть. Так, открывая дружеским кругом какое-либо заведение, например, институт – никогда не знаешь, выдержит ли дружба появление неких иерархических или денежных отношений или нет. А иногда другу приходится дать такую свободу в выборе его пути, которая в итоге приводит к потере дружбы. В конце концов есть и проблема некоторой замкнутости дружеских кругов – они тщательно оберегают свои границы и часто не готовы впускать в них тех, кто хотел бы туда тоже войти, но по каким-то параметрам оказывается не похож на членов круга. Этим, кстати, как говорили участники конференции, дружеские круги отличаются от общин: в общине готовы при-

нимать каждого, а в дружеском круге – лишь некоего «своего».

Прошло уже две недели после завершения конференции, а все эти мысли и воспоминания не отпускают меня. И конечно, совершенно нельзя сказать, что мне удалось расставить все точки над «i». Поэтому когда я увидела размышления отца Георгия Кочеткова по итогам конференции в его блоге, то их название «Дружеский круг. Начало разговора» показалось мне очень точным. Да, это только начало. И хочется надеяться, что продолжение этого разговора будет не только в следующих конференциях, но и в нашей жизни – в распространении дружелюбия, которого так сегодня не хватает особенно в нашей стране, а главное – в тех вещах, которые наши дружеские круги и общины смогут делать не для себя, как бы пафосно ни звучали эти слова.

Анастасия Наконечная

Каждый день конференции завершался вечером воспоминаний

Было ли что-то во время конференции, что Вас лично затронуло, как-то удивило?

Священник Петр Боев:

Мысли, которые у меня появились за эти дни, будут, наверное, раскрываться со временем. Но у них есть один корень – любовь в преломлении дружбы. Это тема не просто братско-сестринских отношений в церкви, в общине, которые, собственно, есть у многих из нас, а именно дружбы как чего-то более таинственно-

го, существующего на глубине человеческого духа.

Лично я столкнулся с этим, когда мысли о тех или иных будущих служениях были в некоем интенциональном сгустке внутри меня. И сам того не ведая, я сделал какие-то вещи, которые только здесь, на конференции, стали для меня понятными.

Что я делал? У меня были какие-то мысли, идеи. И тут же приходило решение: «Ага, вот этой мыслью я могу поделиться с этим человеком или вот с этим». Причем для меня самого было поразительно, почему именно с ними, а не с теми, с кем я больше времени, может быть, провожу или что-то делаю вместе. Это были люди, внешне не слишком близкие ко мне, нецерковные, но это были мои друзья. Чтобы быть уверенным, что так надо поступать, я спрашивал разных авторитетных для меня людей, и они подтверждали, что это надо делать; я это делал, и дело приносило плоды.

Здесь, на конференции, это уже как-то оформилось в моих мыслях, и мне стало понятно: да, безусловно, вот она, дружба. Какое у нее свойство? Она не может быть записана в какие-то границы, в том числе церковные, иерархические, статусные. Но она, безусловно, порождение Духа Божьего. Через дружбу ты начинаешь реально понимать, что Дух действительно дышит, где хочет – но при том условии, что человек хочет этой новой жизни. И действительно, хотя эти отношения еще нельзя назвать отношениями во Христе, но на каком-то уровне жизни Христос в них являет Себя.

Я размышляю над этим и понимаю, что конференция действительно стала для меня некой искрой, встряской, серьезным толчком к продолжению этих размышлений.

Еще один парадокс: около года назад я собирался писать заметки о дружбе, даже начал их, но оставил это дело и еще не вернулся к нему. И вот на конференции как раз произошла «перезагрузка». Я ожидаю, что вернусь к этим заметкам: теперь это яснее оформилось в моих

мыслях, и надо писать, потому что, мне кажется, эта тема совершенно не освоена. Хотя она опасна – ведь если ее подвергать воплощению в слова, есть опасность ее профанировать. Поэтому я еще подумаю, как это лучше сделать. Дружба – это что-то такое интимное, происходящее на глубине, не знаю, можно ли это показывать вовне, можно ли об этом вот так прямо писать и размышлять. Может быть, можно, может быть, нет, тут вопрос, и я пока не знаю, как это будет.

Протоиерей Василий Микхов (Румынская православная церковь):

За всем, что происходило, чувствовалась большая работа организаторов, за что я им очень благодарен. Программа очень насыщенная, много документов для обсуждения, некоторые из них очень глубокие и хорошо помогают понять суть обсуждаемых вопросов. Кроме того, мы могли познакомиться не только с академическим, научным подходом к теме, но и с личным, происходящим из личного опыта. Прозвучавшие во время обсуждения предложения, я думаю, каждому помогут задуматься над тем, что происходит в наших семьях, дружеских кругах и церковных общинах.

Что из этих мыслей Вы бы особо выделили?

Я думаю, что в дружбе отражаются наиболее важные аспекты нашего отношения к другому. Дружба – это то, что мы наполняем. Мы нуждаемся в дружбе, для нас естественно дружить, но хорошо известно и то, как дружба требовательна: она гораздо больше означает дарить, чем получать; если мы вспомним слова Христовы – «блаженнее давать, нежели принимать». Так что дружба открывает то, сколько ты можешь дать другому.

Священник Манфред Дезелерс, доктор теологии, сотрудник «Центра диалога и молитвы» в Освенциме (Германская епископальная конференция): В связи с темой конференции и с тем, что я тут увидел, у меня много вопросов, ответы на которые пока не ясны. Потому-то и должно быть обсуждение, поиск ответов, должна быть молитва. Мне кажется, нет другого способа найти ответы, найти пути возрождения церкви, кроме постоянной молитвы, чего от нас, соб-

А.А. Левандовский, историк, доцент МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва): Поскольку я здесь в первый раз, то меня поразило вообще все, начиная от здания, от удивительной чистоты в номерах, и кончая удивительной атмосферой, удивительной доброжелательностью при общении.

Практически все, с кем я говорил, удивительно милые люди. Очень редко можно встретить такую совокупность хороших людей в одном красивом месте. У меня очень сильные ощущения.

Что касается недостатков: не хватило времени на дискуссию; те же самые круглые столы, по идее, должны были быть не выступлением двух-трех участников – они должны были бы задать какую-то ноту для обсуждения темы в целом – а более живым обсуждением. Поговорить хотелось – возможности не было! Хотя слушать тоже было очень интересно.

Хорошо, что собрались разные люди, потому что таким образом вы расширяете круг. Так что в этой атмосфере побывать стоило во всех отношениях.

Л.И. Давыдова, кандидат искусствоведения, хранитель античной скульптуры Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург): Может быть, не столько удивило, сколько обрадовало то, что есть как явление – с одной стороны, неформальное, а с другой стороны, все-таки организованное – это большое братство в церкви. И еще обрадовало ощущение того, что мне

всегда дорого в людях – искренности. Потому что это качество, может быть, и было когда-то, но оно очень сильно утрачено. Редко удается встретить в людях такую сердечную, искреннюю отзывчивость, чтобы и ты не боялся сам что-то сказать, и не страшно было услышать что-то не то в ответ.

И душевность нужна каждому человеку. Она, конечно, может быть присуща семье, если это хорошая семья, и тебя любят, и ты всех любишь, и в отношениях есть и искренность, и щедрость. Но обычно не ожидаешь найти это в таком большом сообществе, где собралось более ста человек. А здесь ты чувствуешь, что можешь проживать какую-то свою, но очень полную жизнь, и проживать ее спокойно. Сейчас все очень любят говорить о комфортной среде. Но комфорт – это просто удобство. А здесь испытываешь душевное спокойствие и понимаешь, что жизнь – серьезная вещь, но ее можно жить с каким-то ощущением свободы, радости, а не унылости, озабоченности и недоверия.

Что касается именно обсуждения, то мне кажется важным, что задумался, оглянулся на эту тему не один человек, не два, а гораздо больше. Я думаю, что потом люди будут обсуждать это и с теми, с кем они связаны, со своими близкими. Я и сама перед тем, как приехать сюда, и дома об этом разговаривала, и с какими-то близкими коллегами. Всех удивляла эта тема, потому что для конференции, даже не научной, она достаточно «зыбкая», – именно потому, что дружба явление вроде бы и очень понятное, но вместе с тем не поддающееся вербализации, какому-то однозначному определению. И когда начинают его пытаться для себя как-то определить, то понимают, насколько оно интересно, глубоко, важно...

Исторические экскурсы докладов (на мой взгляд, блестящих) были чрезвычайно интересны, потому что без истории полноты в этом разговоре тоже не достигнешь. Да и весь разговор был удивительным, как и сам по себе уровень этого собрания, этих встреч, обсуждений, общения, душевной работы, в которую ты был включен с восьми утра и до одиннадцати, до двенадцати ночи. Душевная работа, может быть, еще тяжелее для человека, чем интеллектуальная, а тут все было как-то очень радостно и благодатно. Мне кажется, чем еще хороша была эта встреча: она была вне политики, вне тех противостояний, от которых люди сейчас устали. Она была о вечном, хотя, казалось бы, здесь было столько

действительно исторических примеров. Но это разговор о вечности, о душе, о том, о чем, в общем-то, человек так или иначе думает, чем живет.

И хотя в этой полифонии соединились разные голоса, и ноты звучали разные, порой трагические, все равно это была ода радости.

А.А. Тесля, кандидат философских наук, доцент Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск): Главное впечатление – широта участников: получилась перекличка голосов из разных перспектив, из разных кругов, в том числе знакомых и незнакомых. Это не разговор в пространстве, где уже есть какая-то изначальная согласованность, а наоборот, ситуация, когда эти точки взаимного понимания, общий язык выстраиваются по ходу, где-то удачно, где-то, может, с каким-то сбоем, но самое главное, что за счет общего настроения, общего духа есть в любом случае нацеленность на понимание. Даже там, где обнаруживается расхождение языков, есть добросовестное стремление найти какой-то третий язык, какой-то общий словарь.

Что касается итогов обсуждения, был один важный момент, который, на мой взгляд, звучал слабо. Это то, что я бы назвал «издержками дружбы», ее подводными камнями. Много говорилось о том, как дружба кончается, что ее способно разрушить и каким образом дружеские круги приходят к финалу. Но сравнительно мало говорилось о том, что любое взаимодействие предполагает и какие-то ограничения и издержки – что все имеет свою цену. И вот эта тема – тема цены дружеского круга – на мой взгляд, была затронута недостаточно.

О.В. Щербачев, предводитель Российского Дворянского Собрания, старший преподаватель МИФИ (Москва): Я считаю, что сама постановка вопроса о дружеском круге очень необычна для нашей реальности. И то, что здесь это стало главной темой, – очень интересно и многообещающе. Ну, и просто все происходящее интересно; я слышал множество интересных историй. Это свидетельство того, что малыми силами можно иногда сделать большие дела.

В.В. Шеремет, директор Музея дворянства (Санкт-Петербург): Я думаю, что это собрание, которое мы проводим, – это очень важный шаг. Мы делаем шаг к тому, чтобы дружба была не просто словом, а делом. Мы делаем шаг к тому, чтобы дружба была не просто словом, а делом. Мы делаем шаг к тому, чтобы дружба была не просто словом, а делом.

Вы возглавляете Российское дворянское собрание. Насколько возможно, на Ваш взгляд, возрождение «аристократии крови и рода» после катастрофы XX века? Как Вы относитесь к тому, что писал Бердяев (сам будучи дворянином) о достоинствах, но в то же время и о соблазнах и ловушках такого аристократизма, предвидя возникновение аристократии духа?

Я думаю, что все, о чем писал Бердяев, как было, так и остается. Действительно, есть и невероятные возможности, и невероятные соблазны.

Если же говорить о возможности возрождения, то истории российского дворянства тысяча лет. И даже в семьдесят советских лет дворянство в виде тех или иных дружеских кругов существовало и поддерживало друг друга. В общем-то и Дворянское собрание родилось именно на этом фоне – как еще один дружеский круг, дающий возможность войти в него и почувствовать себя родным, почувствовать, что ты не один такой «инопланетянин». Первое ощущение тех, кто приходил в Дворянское собрание в 1990-е годы, почти еще из Советского Союза, было ощущение удивительной атмосферы, по которой люди истосковались. Они приходили и находили и в прямом смысле родственников, и духовных родственников.

В том же труде «О рабстве и свободе человека» Бердяев говорит, что главные чувства, присущие аристократу, – это чувство вины и чувство жалости. Потому что ему изначально дано больше, чем другим, и он за этих других отвечает. Как Вам кажется, сохранилась ли эта особенность после того, как в течение нескольких поколений дворяне были одним из самых гонимых, уничтожаемых и угнетаемых сословий?

Тот же Бердяев говорил и о том, что аристократии свойственно еще и большое чувство свободы. И я считаю, что вот эта внутренняя степень свободы помогла аристократии выжить за годы репрессий. Что касается чувства вины, то оно во многом сыграло действительно злую шутку. И главное, оно было во многом необоснованным, потому что столько, сколько делала русская аристократия для народа, ни в одной другой стране не делалось.

С другой стороны, тем людям, которые стояли у истоков Дворянского собрания, было абсолютно чуждо какое-то желание реванша или хотя бы чувство обиды. Но в то же время мы ни в коем случае не должны забыть уроки того, что произошло. Должно быть четкое духовное осмысление того, что было. И мы обязаны назвать черное – черным, белое – белым.

«Вечные темы» в нашей жизни

Интервью с председателем Преображенского братства Дмитрием Гасаксом

Начало на с. 1

У кого-то из читателей, боюсь, останется вопрос – а зачем мы вообще все это затеяли? Во время бурь, катастроф, когда все только и думают о встрече Патриарха с Папой и о надвигающейся третьей мировой войне, Преображенское братство вдруг решило поговорить о дружбе...

Видите ли, я думаю, что та атмосфера, которая нагнетается СМИ, очень вредна для человека. Неполноценно думать о глобальных катастрофах, заражаться страхами глобального кризиса, «военными слухами» и т. д. Необходимо поставить какой-то ограничитель – аскетически относиться к политическим новостям разного рода и давать себе возможность выделять время для общения, для радости встречи, для того, чтобы послушать, что думают умные люди. Может, и у тебя зародится какая-нибудь мысль, связанная не только с житейскими сиюминутными заботами. «Мы рождены для вдохновения, для звуков сладких и молитв», сказал поэт. Мне кажется, в этом смысле конференция удалась и своих целей мы достигли.

Кто-то говорил, что возможностей для обсуждения докладов было маловато.

У меня другое впечатление. Но,

может быть, действительно, было мало вато дискуссии на какой-то секции. Но, хорошо, что есть потребность в диалоге. Мы будем совершенствоваться. Даст Бог, это не последняя встреча друзей в нашем братском доме и не последняя конференция, которую мы устраиваем.

А возможна ли такая перспектива – вот так поговорить, встречаясь несколько лет, а потом сделать конференцию из одних круглых столов, как это было с конференциями по катехизации? Тогда всем хватит возможностей для дискуссии...

Вы знаете, жизнь ведь развивается. Если вспомнить, скажем, общественные дискуссии 1990-х и 2000-х, мы увидим, что некоторая эволюция есть и по тематике, и по уровню разработки тем, и по умению вести диалог, слушать, слышать и высказываться. Так что качество общения и дискуссии возрастает. И в этом смысле процесс накопления культурного, интеллектуального и духовного потенциала происходит. Слава Богу! Просто это не очень быстрый процесс, для этого нужны годы.

А мы просто вкладываем свою лепту.

Конечно! Не надо думать, что мы одни на белом свете размышляем о таких глобальных темах. Но, слава Богу, что у нас эта возможность есть, и у других эта возможность есть. Поэтому мы собираемся и разговариваем. По-моему, это замечательно!

Интервью с директором музея А.А. Ахматовой в Фонтанном доме (Санкт-Петербург) Н.И. Поповой

Первый вопрос к Вам как соучредителю: чего Вы ожидали от этой конференции, и что из Ваших ожиданий осуществилось (может быть, и превзошло ожидания), а что не осуществилось?

Для меня решение войти в соучредители конференции было прежде всего поводом для того, чтобы поставить перед собой вопрос, провести своего рода анализ того, что именно называется «профессиональным кругом», «дружеским кругом», «партнерским кругом», «командой». Что именно создано в музее как работоспособная группа, за счет чего? Для меня это были главные вопросы, на которые я должна была получить ответ.

Трудно сказать, чего я ожидала от самой конференции, знаю только, что мне было интересно. Потому что оставшись один на один с этой темой, я бы не пришла к тому, к чему я пришла, не смогла бы додумать это в таком объеме. У меня было ощущение диалогов не с одним человеком, а с множеством людей: с теми, кто выступал, с теми, кто бросал реплики, с теми, кто думал. Конечно, я все равно размышляла больше про музей, чем про «дружеский круг вообще» или, скажем, про братство. Но, например, такой вопрос как соотношение дружеского круга и институции – правомерна ли такая постановка проблемы? То есть я уже вторые сутки такие пласты исторические в себе переворачиваю, и мне это очень интересно, потому что я знаю, что без общения, без размышления, без слушания у меня бы не было такой глубокой, с моей точки зрения, реакции и осмысления. Поэтому

я очень благодарна за то, что я здесь, что есть о чем подумать и сделать из этого практические выводы для себя, оценить перспективу, понять, что получается, что можно, а значит, и куда двигаться.

Что Вас за эти дни больше всего лично задело, удивило, выделилось из общего ряда?

Сегодняшний доклад Алексея Павловича Козырева о «братстве ревнителей духовного просвещения». Я просто ничего не знала об этом. Московские круги начала XX века мало известны по сравнению с петербургскими, при том, что отзвуки их все время есть. «Светский монастырь» и все то, о чем сегодня говорилось в докладе, для меня – открытие, и я Алексею Павловичу за это очень благодарна.

В целом же все диалоги, все дискуссии, вечер воспоминаний – все это было интересно. Знаете, я здесь ценю не информацию, а дружеский стиль общения, вопросов и ответов: погружаешься в круг людей, которым ты интересен и которые тебе интересны. Это такое редкое удовольствие в нашей жизни, поэтому я это и ценю.

С участниками конференции беседовали Анастасия Наконечная, Александра Колымагина
Фото: Юрия Крапивина и Алены Каплиной

1917-й: как бы встретили его славянофилы и западники

Дожил ли кто-то из последователей славянофилов до 1917 года? И если да, как они восприняли совершившийся переворот и его последствия?

А.А. Тесля, доцент Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск): Если говорить о последователях славянофилов, то это будут прежде всего те, кто участвовал в Предсоборном присутствии, такие фигуры, как сын Алексея Степановича Хомякова – Дмитрий Хомяков¹, Ф.Д. Самарин², М.А. Новоселов³. И в силу этого их отношение к событиям 1917 года предсказуемо. Тем не менее оно проявлялось с разными оттенками, «в трех вариантах».

Один вариант – это тотальное неприятие. Оно особенно характерно для Дмитрия Хомякова. Нужно сказать, что для него вся современная ему история России – это история неверного выбора, неверного пути. Сначала это соблазн бюрократического абсолютизма, затем – соблазн конституционного управления, впоследствии переходящий в демократическую уравнительность. В любом случае это не отклонение от истинного пути, а метание между разными заблуждениями, потому что всеми участниками потеряно представление об истине. Соответственно, это всеобщий хаос.

Другой вариант, тоже вполне предсказуемый – это желание разглядеть в происходящем некое движение, некую истину и обоснованность. Целым рядом русских крайне правых, например, Б.В. Никольским, приход к власти большевиков воспринимался с симпатией, по принципу: «хуже, чем Временное правительство, ничего быть не может, а большевики либо образумятся, либо станут настолько безумными, что навеки опровергнут мысль о революции». Мы с вами знаем, что ни то ни другое из этих достаточно разумных, как внешне кажется, предсказаний не сработало.

Ну и, наконец, третий вариант – это поиск логики не в действиях, а в том, что движет людьми, если угодно, «правды реакции на раздражитель». Так, например, испытывая телесное стеснение, мы желаем освободиться. Это не означает, что мы правильно делаем, что наши действия разумны. Но это означает, что они обусловлены ситуацией, и, более того, в самих этих действиях есть своя правда – например, стремление к свободе. Многими представителями этого умонастроения ситуация после 1917 года была воспринята как выход церкви из рабства, ее движение к истине. Ведь фундаментальный конфликт церкви с новым правительством, не только его враждебность церкви, но и нежелание пусть враждебно, но терпеть ее, готовность к активному вмешательству в жизнь церкви (а затем и само вмешательство) стала для многих очевидна только в первой половине 1920-х годов.

Другое дело, что речь шла о подлинности стремления, никто не говорил, что результатом его осуществления является свобода. Если бы мы спросили этих людей, устраивает ли их найденная форма реализации, полученный результат, они, конечно, ответили бы: «Нет», не имея при этом в виду, что и само стремление к свободе было ложным. Вопрос в форме этого стремления, в его практической нацеленности. Более того:

Было ли среди западников какое-то определенное отношение к идее революции?

А.А. Левандовский, историк, доцент МГУ им. М. В. Ломоносова: Они не являлись единым целым, это именно дружеский круг. В нем было, условно говоря, крыло либеральное или умеренное, которое отрицало насилие в принципе: ставка делалась исключительно на разумную реформу, подготовленную властью в сотрудничестве с обществом. Во времена Николая I, то есть в годы возникновения этого круга, о такой реформе, конечно, нельзя было и мечтать; она мыслилась в перспективе. И умеренные западники занимались конкретными делами, мечтая о возможности перемен.

Было три человека – Герцен, Огарев и Белинский – которые революцию не исключали. Причем Белинский, при всей своей доброте, революции (совершенно абстрактно) поклонялся. Специально для него друзьями была переведена (он не владел языками) книжка Минье «Французская революция». Ее зачитывали вслух, и он просто с ума сходил от якобинцев, от

когда (еще до Первой мировой войны) в различных кругах обсуждалась возможность революции ради свободы, никто себе не представлял возможность такого обрушения, которое произошло в 1917 году. Когда эти люди говорили о революции, они имели в виду что-то подобное событиям 1830 или 1848 года, во время которых даже банки продолжали работать. Только на день-два, пока строили баррикады да стреляли, магазины закрылись, а на следующий день они вновь были открыты. Это для нас слова «мы выступаем за революцию» сразу связываются в сознании с хаосом, гражданской войной и со всеми последующими событиями. А люди говорили: ну, хорошо, ну, революция. Вот будет у нас как в Брюсселе революция. Что страшного?

¹ **Дмитрий Алексеевич Хомяков** (1841–1919) – православный мыслитель и общественный деятель, один из основателей Союза русских людей, член Предсоборного присутствия. Старший сын великого русского мыслителя А.С. Хомякова. На протяжении нескольких десятилетий (по сути, с юношеского возраста) предпринимал постоянные усилия по сохранению наследия А.С. Хомякова, уточнению нюансов его биографии, переводу, изданию, истолкованию и разъяснению его сочинений и переписки. Свои собственные сочинения он не подписывал полным именем, ограничиваясь «Д. Х.». Лишь немногие знали, чье имя стоит за этими буквами; это вводило в некоторое замешательство даже людей, высоко ценивших его труды и публично заявлявших об этом (напр., Л.Н. Тихомирова).

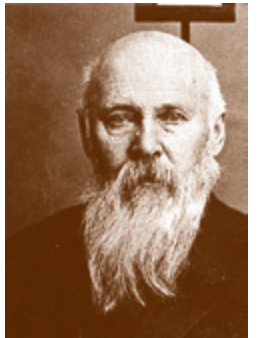
Глубокое почтение имел Хомяков (как и его отец) к свт. Филарету (Дроздову), считая его «новейшим из Отцев Церкви» и выразителем «очень определенного церковно-гражданского мировоззрения и столь же определенного выразителя некоей строгой церковной практики». Как и свт. Филарет, Хомяков был убежден, что «церковь вовсе не нуждается в покровительстве». Основой церковного устройства он считал соборность, которая должна начинаться с соборного устройства прихода. Был близок к Кружку ищущих христианского просвещения («новоселовскому кружку»). Во время работы Поместного собора 1917–1918 гг. для бесед к Хомякову (по свидетельству еп. Григория (Габбе)) приходили архиеп. Антоний (Храповицкий), архиеп. Анастасий (Грибановский) и другие. Скончался, терпя голод и лишения, в марте 1919 года в Москве. – Ред.

² **Александр Дмитриевич Самарин** (30 января 1868 – 30 января 1932) был председателем московского дворянства, в течение трех месяцев 1915 года – обер-прокурором Святейшего Синода (получил место за упорное противодействие Распутину), главным уполномоченным Красного Креста. Летом 1917 года на епархиальных выборах был одним из трех кандидатов на пост митрополита Московского и Коломенского. При первоначальном голосовании архиепископ Литовский и Виленский Тихон (Белавин) и Самарин получили равное число голосов – по 297. В ходе окончательных выборов за Самарина проголосовали 303 делегата (за владыку Тихона, избранного митрополитом, – 481). Участник Поместного собора 1917–1918 гг., на котором предлагался кандидатом к избранию в патриархи (получил 3 голоса при первичном выдвижении кандидатов, хотя до того было принято постановление Собора избирать патриарха только из лиц священного сана); с марта 1918 года был вторым

заместителем его председателя от мирян. В начале 1918 года был избран председателем Совета объединенных приходов Москвы. Летом 1918 года, чтобы избежать ареста (чекисты пришли за ним с ордером на арест в его отсутствие), Самарин был вынужден уехать из Москвы и жить в Оптиной пустыни и других монастырях по липовым документам. Спустя несколько месяцев был арестован по дороге в Киев, куда вез письмо патриарха. Больше полугода просидел на Лубянке и в Бутырке. В последующие годы находился в заключении в 1919–1922 (в Таганской тюрьме), 1925–1926 (в одиночной камере внутренней тюрьмы на Лубянке и в Бутырской тюрьме), в ссылке в 1926–1929 (Якутия). Незадолго до кончины, весной 1931 был в последний раз арестован, содержался в костромской тюрьме, но был освобожден. По своим церковным взглядам был близок к «непомянувшим». В последние годы жизни в Костроме был чтецом, певцом и регентом в храме Всех Святых. – Ред.

³ **Михаил Александрович Новоселов** (1864–1938) – русский публицист, духовный писатель. В молодости был увлечен идеями Л.Н. Толстого, находился в переписке с ним. В конце 1887 года был арестован за издание брошюры Толстого «Николай Палкин», но после заступничества Толстого в феврале 1888 года освобожден под гласный надзор полиции с запрещением проживать в столицах. Получив наследство после смерти отца, в 1888 году основал в селе Дугино Тверской губернии «толстовскую» земледельческую общину, которая просуществовала два года. В 1892 году пересмотрел свои взгляды. Автор «Открытого письма» Толстому, в котором, в частности, говорилось: «Служить вы хотите не Господу, Которого знает и признает вселенское христианство... а какому-то неведомому безличному началу, столь чуждому душе человеческой, что она не может прибегать к нему ни в скорбные, ни в радостные минуты бытия своего». Автор работ на церковные темы, публиковался в «Миссионерском обозрении» и «Церковных ведомостях». Участвовал в Религиозно-философских собраниях 1901–1903 годов. В 1902–1917 годах был издателем «Религиозно-философской библиотеки» (РФБ), в которой публиковались многие известные российские православные мыслители (многие из книг серии были написаны самим Новоселовым или при его участии). В 1907 году организовал в Москве «Кружок ищущих христианского просвещения», заседания которого проходили на его квартире (так называемые «новоселовские четверги»). В состав кружка входили священники Павел Флоренский и Иосиф Фудель, а также Ф.Д. Самарин, В.А. Кожевников, С.Н. Булгаков, П.Б. и С.Б. Мансуровы, Н.Д. Кузнецов, Ф.К. Андреев. Резко негативно относился к деятельности Григория Распутина, выступил в своем издательстве брошюрой «Григорий Распутин и мистическое распутство», которая была запрещена и конфискована в типографии. В 1912 году был избран почетным членом Московской духовной академии за свою деятельность в области духовного просвещения и христианской апологетики. Входил в состав отдела о духовно-учебных заведениях Поместного собора Русской православной церкви 1917–1918 годов. В 1918 году был членом Временного Совета объединенных приходов города Москвы. Предоставил свою квартиру для занятий созданных весной 1918 года по благословению патриарха Тихона Богословских курсов, преподавал на этих курсах. В 1922 году был членом Братства ревнителей Православия. Находился под арестом с 12 августа 1922 года до 19 марта 1923 года (дело было прекращено в связи с тем, что при обыске не было найдено ничего компрометирующего). После этого уехал в Вышний Волочек, где жил на нелегальном положении. В 1922–1927 годах написал свое основное сочинение – «Письма к друзьям». В нем он резко критиковал обновленческое движение, рассуждал о причинах гонений на церковь в России, рассматривал вопрос о конечных судьбах церкви и мира. После 1927 года стал видным деятелем «иосифлянского» движения, сторонником создания катакомбной церкви. В марте 1929 года был арестован в Москве как «руководитель антисоветских церковников». Находился в заключении в 1929–1930 в Суздальском политизоляторе, в 1930 под следствием в Бутырской тюрьме, в 1931–1937 в Ярославском политизоляторе. 29 июня 1937 года был перевезен в Вологодскую тюрьму. 17 января 1938 года приговорен к расстрелу постановлением Вологодского УНКВД; в тот же день расстрелян. Причислен к лику святых Русской православной церкви в августе 2000 года. – Ред.

и западников: семь томов Герцена, два тома Грановского. Это все очень увлекало – как воспоминания о детстве, об очень хороших людях, которых можно считать начавшими важные размышления, но не более того.

XIX век и был в это время для всех уже похож на детскую: жесткий режим, но в то же время благополучное существование. Можно спокойно читать самые разные интересные книжки. Я и сам так вспоминаю о своем детстве: тишина, покой, чтение книжек, первое стремление к лучшему... Это была своеобразная ностальгия по детству.

Как бы, на Ваш взгляд, западники восприняли октябрьский переворот и его последствия?

Мне кажется, такой вопрос ставить нельзя. Потому что западничество аполитично в принципе. Это очень отвлеченная мечта о преобразованиях, о том, что Россия достигнет уровня Западной Европы. Соотносить их, скажем, с кадетами или тем более с октябристами совершенно неправомерно. Западники – это 1840-е годы, революция произошла через 70 лет, и они были бы совсем другими людьми, если бы жили в это время. Если они взяли бы и перенеслись в него, я думаю, они тут же унеслись бы обратно. Октябрьская революция 1917 года – это воплощенный кошмар. Кто же его и тогда, и сейчас спокойно вынесет, кроме тех, кто революцию совершал?

Ведь для Герцена и Белинского слова о революции были абстрактными рассуждениями. Чтобы понять, что это такое, надо было увидеть массовые гекатомбы, расстрелы, насилие, полное крушение более-менее налаженной (пусть и со всеми проблемами) дореволюционной русской жизни. Россия же страна очень многоцветная и очень красивая. И все это было нивелировано, выровнено за два-три года – и вроде бы напрасно, потому что в конечном итоге мы вернулись к тому, на чем остановились, только в плохой форме. Чем больше об этом думаешь, тем страшнее становится.

Вопросы задавала Анастасия Наконечная

А.И. Герцен

В.Г. Белинский

«Язык — духовный нерв каждого народа. Важно, чтобы этот нерв был правильно настроен на молитву к Богу»

В североосетинском Моздоке прошла презентация русско-кабардинского молитвослова

12 марта 2016 года архиепископ Пятигорский и Черкесский Феофилакт, временно управляющий Владикавказской и Аланской епархией, совершил Божественную литургию в Успенском соборе г. Моздока (Республика Северная Осетия — Алания).

Его Высокопреосвященству сослужили исполняющий обязанности секретаря Владикавказской епархии игумен Стефан (Дзугкоев), благочинные церковных округов Северной Осетии, духовенство епархии, а также благочинный Нальчикского округа Пятигорской епархии протоиерей Валентин Бобылев.

Песнопения за богослужением исполнили певчие Успенского собора и хор Симеоновского храма города Нальчика. Мужской состав приглашенного хора исполнил ряд песнопений Литургии на кабардинском языке.

По завершении Литургии в духовно-просветительском центре Успенского собора состоялась презентация русско-кабардинского молитвослова.

Моздок является местом давнего компактного расселения православных кабардинцев. Именно для них, в первую очередь, было подготовлено данное издание. Перевод текстов на кабардинский язык и окончательная редакция русского текста молитв для адыгоязычного читателя были осуществлены силами священников и прихожанки Пятигорской епархии Людмилы Бора.

Данное издание получило высокую оценку и благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Книга была представлена Его Святейшеству в ходе встречи с архиепископом Феофилактом и главой КБР Юрием Коковым.

Архиепископ Феофилакт рассказал собравшимся об издании и его оценке Святейшим Патриархом Кириллом.

«Язык — духовный нерв каждого народа, — отметил владыка Феофилакт. — Важно, чтобы этот нерв был правильно настроен на молитву к Богу. Молитвослов на родном языке станет камертоном для такой настройки,

зримым знаком духовной свободы в сохранении религиозной традиции предков. Этот труд стал воплощением любви самих кабардинцев к своему языку, своей культуре, своей истории, своей земле и всей великой России».

Собравшиеся отметили, что презентация состоялась накануне Дня православной книги и стала особым событием в жизни Пятигорской и Владикавказской епархий.

Патриархия.ru

Работа по переводу Библии на татарский язык имеет долгую и сложную историю

Завершена работа над первым в истории полным переводом Библии на татарский язык

Это пятый полный перевод Библии в России — до этого ее перевели на русский, чувашский, тувинский и удмуртский языки.

Перевод на татарский язык готовили более двадцати трех лет большим международным коллективом, в состав которого входили специалисты в области филологии и библистики. Он прошел научное рецензирование в Институте языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук республики Татарстан, а также в Институте филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета. Книга выходит под грифом Института языкознания РАН, сообщает сайт Татарстанского митрополита.

Работа по переводу Библии на татарский язык имеет долгую и сложную историю. Первые переводы отдельных ее книг делались еще в XIX веке. Затем, после почти столетнего перерыва, деятельность по переводу Библии на современный татарский язык была возобновлена Институтом перевода Библии: в середине 80-х годов XX века были заново переведены отдельные книги Ветхого и Нового

Завета. В начале нового века увидели свет Новый Завет (Инжил, 2001) и Пятикнижие (Таурат, 2007).

Целевая аудитория проекта по переводу Библии на татарский язык — носители татарского языка из мусульманской среды, желающие ознакомиться с библейским текстом на родном языке. Перед переводческим коллективом стоял целый ряд богословских, лингвистических и культурологических задач. Для того чтобы обеспечить соответствие перевода оригиналам, он сверялся с текстами-источниками на древнееврейском и на древнегреческом. Получившийся текст был также проверен научным консультантом, имеющим опыт в области библейского перевода.

Для достижения максимальной языковой естественности татарский перевод был отредактирован опытными филологами и стилистами. Важной частью процесса было также смысловое тестирование с участием носителей языка, необходимое для проверки понимания текста перевода будущими читателями.

Сайт «Приходы»

Дискуссия о языке приобретает более мирные формы

Из блога pretre_philippe

В последнее время в соцсетях о переводе на русский язык говорили мало (видимо, всех утомила долгая и бесплодная перебранка по поводу так и не принятого документа Межсоборного присутствия о языке богослужения). И вдруг неожиданно в одном из обсуждений, касавшемся Преображенского братства, эта тема (как и следовало ожидать) заняла длинную «ветку». С фрагментами этой дискуссии мы хотим познакомить читателей

Первый собеседник: Странностей канонических за этой «общиной» много.

Второй собеседник: Что такое «странности канонические»? Вся совокупность канонов на сегодняшний день представляет собой «сборную солянку», довольно противоречивую в своих утверждениях, и ведущие специалисты XIX в. по церковному праву из нашей же церкви отмечали, что нет больших разногласий, чем по тому вопросу, как применять вообще многие нормы канонического права.

Служить на родном языке – как это может противоречить вообще каким-либо канонам?

Первый собеседник: Я не принадлежу к тем, кто держится за церковнославянский как за некую догму. Тем более, что язык Богослужения в ранг догмата не возведён. Мне просто он нравится. Нравится, хотя, конечно, я не на 100 процентов понимаю всё, что на нём произносится в храме. Но как бывает радостно после многих и долгих попыток понять – вдруг обнаружится, что смысл сказанного стал ясен!

Для меня этот язык важен тем, что я знаю – на нём молились мои предки сотни и сотни лет назад. Важен ещё и тем, что не являясь языком повседневного общения, он как-то особенно возвышен и не несёт в себе некой обмирщённости и тождественности с языком дворовых и рыночных «базаров», полутрезвых разговоров «за жизнь» и комсомольских собраний. Да и просто красив. В нём есть некая внутренняя рифма, что-то вроде белого стиха. И так думаю не только я один.

С другой стороны, я вполне отдаю себе отчёт, что некоторые места и выражения действительно можно было бы сделать понятнее и доступнее. Между прочим, покойный ныне отец Павел Адельгейм вёл такую работу. И я вполне поддерживаю его начинания. Другое дело, что подобное нужно делать не партизанскими методами. И уж тем более не тогда, когда текст, не получивший ни признания народа, ни благословения полноты церковной (на соборе, например), используется для Богослужения. Что же получается – любой может сделать любой же перевод и служить? Сто священников – сто текстов Литургий?!

А потом, в Церкви, пережившей в XVII веке трагедию раскола и безумства противостояния по надуманным поводам, любые нововведения (а я полагаю, что Вы всё же понимаете это) нужно делать очень и очень осторожно и прямо-таки нежно. С обсуждением (самому себе улыбаюсь – ну хотя бы не узкокейлейно) и с одобрением полноты церковной. Полагаю верным тут путь «единовещества», когда в епархии или же благочинии вводилось бы в каком-то одном (для примера) храме Богослужение на русском языке по принятому и благословлённому тексту, прошедшему хотя бы экспертизу специалистов. Просто нужно дать возможность не заниматься партизанщиной, а делать это открыто и законно.

Меня настораживают даже не попытки ввести русский язык в качестве языка Богослужения, а неумное и неумное рвение в этих попытках. Изменения ради изменений? Изменения любой ценой? Везде? И сразу? Что это, как не необновленчество? Что это, как не духовный экстремизм и большевизм? Почему проводники всех этих идей так нетерпимы к оппонентам? Поистине – нет хуже деспота, чем либерал, якобы отстаивающий толерантность. Между прочим, нынешний патриарх вполне благоволил Кочеткову – так почему же не вынести сей вопрос на общецерков-

ное обсуждение и не получить таким образом результат – открытое служение на русском в каких-то храмах?!

Или задача стоит именно в общецерковном преобразовании?

А как же быть с теми, кто будет против (таковые ведь обязательно найдутся)?! На Соловки? В горящие срубы? Языки рвать? Что-то мне подсказывает, что именно так и будет, если дозволить.

Кстати сказать – изменив язык, можно ведь и весь строй Богослужения порушить.

А потом – ведь в тексте Богослужения много мест, которые на любом языке понятны не будут, в силу отсылки к Писанию. Пока не узнаешь, что делали трое отроков в пещи огненной, на какой язык ни переводи, понятнее не станет эта история.

Так что проблема «непонятности церковнославянского» и введения русского довольно-таки умозрительна.

Второй собеседник: Видите ли, давайте разберемся тогда. А что значит «партизанщина»?

На самом деле братство с самого начала НЕ СКРЫВАЛО того, что хотело бы служить на понятном русском языке. И свои установки при этом оно никому не навязывало.

Вот если бы, представьте себе, ситуация оказалась похожей на ту, что была при патр. Никоне с его реформами: теперь только по новым греческим образцам будем служить, и всё тут! А тот, кто не согласится – анафема, грубо говоря! Вот это и привело к неизбежному расколу, удивляться нечего.

Братство же просто отстаивало возможность служить на русском открыто и никогда этой позиции не скрывало.

Кстати, я сам давно мечтаю о том времени (и быть может, мы доживем до него?), когда будет свобода в служении, свобода выбора, на каком языке служить или как комбинировать ЦСЯ и современный русский. Приходы со своими традициями будут сохранять служение на архаичном языке, как и монастыри, допустим. Новые общины

Комментарий филолога Кирилла Мозгова

Вот свежий пример того, как в результате непродолжительной дискуссии при желании друг с другом разговаривать можно найти общий язык. Оказывается, вполне можно договориться, даже если изначально есть впечатление, что участники разговора занимают противоположные позиции. Среди высказанных аргументов нет ни одного нового, все это уже не раз повторялось за последние лет тридцать и устно, и письменно. Видимо, каждый раз каждому человеку нужно само-

стоятельно пройти этот путь, услышать лично к нему обращенное слово.

Вопрос действительно стоит о признании возможности совершения богослужения на русском языке. И больше всего огорчает именно нежелание серьезного обсуждения приемлемых для современной церковной жизни условий такого богослужения. Пока преобладают мифы, созданные самими же противниками русского языка, которые они продолжают повторять, пугаются сами и пугают других. Никто,

разумеется, не предлагает повсеместно заменить русским церковнославянский, никто не предлагает переводить со славянского на русский, никто не намерен использовать в переводах «базарный язык» (еще вопрос, русский ли там язык) и проч.

О владеющих православными страхами писал еще Б. Сове в начале XX века, объясняя негативную роль реформ патриарха Никона. Именно поэтому невозможно сравнивать современную ситуацию с расколом XVII

будут служить на современном русском. Чем плохо-то? У разных людей со своими вкусами появится возможность ВЫБОРА!

Да и в любом храме при желании можно совмещать и служение на ЦСЯ, и на русском. За границей так во многих местах и делается – то на славянском послужат, то на французском или английском, но чаще всего комбинируют и то, и другое на каждой службе.

Наши богослужения переведены на многие языки мира, включая татарский, алеутский, якутский и т. д. Одному русскому почему-то так не повезло в этом отношении – языку Пушкина, Достоевского и др. писателей. И не надо говорить, что это какой-то «обмирщенный» язык! Разумеется, никто из здравомыслящих и ответственных людей ни на какой молодежный сленг переводить не собирается. Карикатуризация здесь – лишь очередной манипулятивный прием со стороны упертых...

Кстати, в отношении богослужебного устава давно уже никого (почти) не смущает, что в одном храме всенощная длится два часа, а в другом больше трех, где и кафизмы псалтири вычитывают, и канон утрени полностью и т. д. Нет полностью одинаковой службы в двух соседних храмах! Так почему то же самое не допустить и в отношении русификации?..

Первый собеседник: Вы сами из братства?

Может, дожидаться нового Дамаскина лучше, чем городить так называемые «переводы на русский»?

Второй собеседник: Нет, я не из братства. Скорее сочувствующий им, особенно в 2000-х годах.

Переводы СФИ (этого братства) уже изданы, доступны в продаже в Москве*, я сам ими пользуюсь уже с 2007–2008 года непрерывно, когда совершаю требы. Особенно прекрасно переведено отпевание, на мой взгляд. Соборование тоже. Некоторые шероховатости можно найти кое-где, но это не отменяет ценности их проделанной работы в целом.

Если «дожидаться нового Дамаскина», то можно не дожидаться никогда! Он единственный в своем роде, как и

Пушкин. Но дело не в этом.

...Вот сейчас современные греки древнегреческий плохо понимают, и проблема языка там также стоит... А в Болгарской и Сербской церквях как раз используют свой местный язык и церковнославянский примерно поровну на каждой службе! Сам видел, бывал в их храмах. Песнопения поют на славянском, а все чтения на родном.

Первый собеседник: Может, всё-таки озадачиться тремя моментами –

1. Сделать некую адаптацию некоторых немногочисленных мест, где могут быть недоразумения?

2. Читать евангелие на русском языке.

3. Обратить внимание на внятное чтение и пение отцов благочинных.

Второй собеседник: Да нет, существующий текст чаще всего может быть понятен лишь наполовину. Это кое-что, но не достаточно для адекватного понимания, и притом это понимание может быть искажено. Таких мест очень даже много в богослужебных текстах. Понятно, что «Господи, помилуй» или «подай, Господи» поймут все, как и «аминь» и «аллилуйя», но этим же дело далеко не ограничивается!

Вот попробуйте переведите сходу, например, это:

«Любити убо нам яко безбедное страхом, удобее молчание. Любовию же, Дево, песни ткати спротяженно сложенные, неудобно есть. Но и Мати, силу, елико есть произволение, даждь».

Вторую половину (концовку), может быть, переведете, а первую?... Это одно из песнопений праздника Рождества Христова. И в каждой службе любого великого праздника таких песнопений наберется немало.

Первый собеседник: А вы хитрец, отче, знали какой пример привести.

Так сказать, чтобы срезать.

И срезали бы, кабы я по этому застойнику не видал полемики... И в учебном центре бы его не разбирал.

Вообще же ещё Феофан Затворник писал, что требуется обновление переводов трудных мест.

И я тут с вами соглашаюсь.

Второй собеседник: Вы в курсе,

что отец Павел был близким другом о. Г. Кочеткова и всего Преображенского братства? Выступал на всех международных ежегодных конференциях, организовываемых этим братством. На одной из таких конференций я лично с ним и познакомился, пообщались тогда, это было в сентябре 2009 г.

Светлая ему память.

Первый собеседник: Про Адельгейма я в курсе. Я знаю, что он всегда участвовал в жизни СФИ.

Его мнение для меня очень важно. Хотя кое-что я и не понимаю. Пока, может быть...

Светлая ему память и милость Господня!

И я всегда помню о том, что могу заблуждаться...

Как-то так...

Второй собеседник: Понятно, что «Бог есть не Бог неустройства, но мира», и «всё должно быть благообразно и чинно» (ап. Павел).

В общем-то у нас с вами принципиальных разногласий нет!

А отдельные нюансы можно только выснить в процессе применения того, что мы обсуждаем.

Первый собеседник: Ну и конечно, я приветствую разномыслия, если в главном – единство.

И – ЛЮБОВЬ. А не типиконство.

Сначала ЛЮБОВЬ! А потом всё остальное.

Да, важно – чтобы началась дискуссия.

Можно утрясти и согласовать многое, если будет доброжелательная и уважительная дискуссия.

А не административно-командная обязаловка только потому, что так сказал «митрополит имярек».

Чтобы уважалось мнение и Марианны и митрополита Имярека...

Кстати, я посмотрел список участников Поместного Собора 1917–1918 гг. – весьма порадовался.

Да и определения его мне понравились.

* В бумажном и электронном виде эти сборники можно приобрести не только в Москве, обратившись в интернет-магазин Предание.org

века, так как основным камнем преткновения стали методы патр. Никона и его грекофильство (а вовсе не язык, который ему вообще был безразличен). Но этот риск всегда сопровождает любые нововведения «сверху». Так что очевидно, что ни о каких реформах в церкви говорить не стоит.

Как уже не раз отмечалось, проблема с богослужебным языком существует не только в России. Данная переписка снова напоминает нам, что в некоторых церквях уже сделаны первые шаги по введению в богослужение со-

временного языка. Уже приходилось писать, какой путь в решении этого вопроса прошли, например, в Сербской православной церкви, где фактически выбор стоял между тремя вариантами: современным сербским, церковнославянским русским извода, насажденным после освобождения Балкан, и церковнославянским сербского извода, имеющим свою многовековую историю на территории Сербии. С 70-х годов XX века богослужение там совершается как на современном сербском, так и на церковнославянском (как правило, на

последнем поют, хотя в приходских храмах можно встретить и полностью сербскую службу). Это не только не вызвало в церкви никакого конфликта, но было подержано большинством опрошенных несколько лет назад прихожан. На данный момент их опыт следует признать успешными, и в связи с этим стоит внимательнее присмотреться к нашим балканским братьям.

Прп. Иоанн Дамаскин. Фреска работы Мануила Панселина в соборе Протата в Карее, Афон, XIV в.

На заседании Ассамблеи канонических православных епископов Германии была затронута тема перевода богослужения

4 – 5 марта 2016 г. в Гамбурге под председательством митрополита Германского и экзарха Центральной Европы Августина (Константинопольский Патриархат) состоялось заседание Ассамблеи канонических православных епископов Германии, сообщило информационное агентство «Амен».

Помимо представителей Константинопольского Патриархата на собрании присутствовали архиереи Антиохийской, Русской, Сербской, Болгарской и Грузинской Православных Церквей, которые осуществляют свое служение в Германии.

Среди прочих тем обсуждался перевод на немецкий язык литургических текстов (тексты Божественной

литургии, чинопоследования таинств крещения и брака уже переведены; в настоящее время осуществляется перевод чинопоследования погребения).

Работа Ассамблеи началась 4 марта в приходе св. Прокопия, который находится в юрисдикции Русской Православной Церкви За границей. Вечером того же дня была совершена вечерня в церкви св. Иоанна Кронштадтского (Московский Патриархат). Субботняя заупокойная Литургия была совершена 5 марта в сербской церкви, где была завершена работа Ассамблеи. В воскресенье завершение встречи была отмечено Божественной литургией в греческой православной церкви св. Николая в Гамбурге.

По материалам сайта Седмица.ru

На богослужении в храме св. прав. Иоанна Кронштадтского в Гамбурге

Разработана интерактивная карта храмов России, где служат с сурдопереводом

Координационный центр по работе с глухими, слепоглухими и слабослышащими запустил новый сайт, где собрана информация о церковной помощи людям с нарушениями слуха и зрения, сведения о курсах жестового языка и методиках помощи глухим, слепоглухим и слабослышащим. На карте отмечены все приходы России, приспособленные под нужды глухих и слепоглухих. Для того чтобы узнать контактные данные интересующего храма, нужно нажать на соответствующую пиктограмму на карте.

Координационный центр по работе с глухими, слепоглухими и слабослышащими организует в разных регионах курсы жестового языка для священнослужителей и всех желающих, координирует церковную помощь людям с нарушениями слуха и зрения, проводит семинары и конференции. В 2015 году курсы жестового языка проходили в Томске, Курске, Кирове, Москве, в феврале 2016 года – в Москве. Помощь глухим и слабослышащим организована при 50 приходах, слепоглухим – при 9 приходах Русской Православной Церкви.

Патриархия.ru

Межконфессиональная конференция «140-летие Синодального перевода Библии на русский язык» состоялась в Москве

Конференция прошла 17–19 марта в Москве. В ней приняли участие представители разных христианских конфессий, священнослужители и миряне, а также сводный хор Евангельских церквей. Торжественное открытие состоялось в кафедральном лютеранском соборе свв. Петра и Павла, а рабочие заседания конференции, на которых было заявлено более 20 докладчиков, прошли 18–19 марта в Московской богословской семинарии Евангельских христиан-баптистов.

Приветствуя участников конференции, архиепископ Евангелическо-лютеранской Церкви Европейской части России Дитрих Брауэр напомнил о временах государственного атеизма в СССР: «Люди были лишены Библии, но горчичное зерно веры давало свой плод – под страхом смерти люди все равно собирались в общину, становились церковью. В Слове Божьем есть непреодолимая внутренняя сила, которой оно созиждет Церковь». Говоря о значении Синодального перевода Библии, он подчеркнул, что этот перевод на многие десятилетия «стал каноническим, соединил всех христиан».

Выступление председателя Российского союза ЕХБ Алексея Смирнова было связано с историей баптистской семьи, которая терпела гонения от безбожной власти. Он рассказал о том, как в семье, готовясь к обыскам, прятали Библию – «антисоветскую книгу» – замуровывая ее особым образом в кафельной плитке. «Синодальный перевод – благословение

нашей страны», – заключил А. Смирнов, подчеркнув, что, «независимо от конфессии», христиане могут принять Слово Божье, если готовы «открыть свое сердце».

Магистр богословия Владимир Попов прочитал краткую лекцию о создании Синодального перевода – это событие он считает «одной из самых светлых и в то же время – самых драматических страниц российской истории». Большое внимание в докладе было уделено «главному научному руководителю» перевода – архимандриту, а потом – митрополиту Филарету (Дроздову), противникам переводческой концепции, истории Российского библейского общества (РБО) и его деятельности. В. Попов подчеркнул, что с самого начала РБО работало на межконфессиональной основе, что это было «великое общехристианское движение».

Ведущий вечера напомнил о том, что инициатором юбилейных мероприятий стал Межконфессиональный координационный совет по празднованию 140-летия Синодального перевода Библии, в который входят представители Русской православной церкви, Российского союза евангельских христиан-баптистов, Римско-Католической и Евангелическо-лютеранской Церкви, Российского объединенного союза христиан веры евангельской (пятидесятников), Союза церквей евангельских христиан.

По материалам репортажа Юлии Зайцевой
Благовест-инфо